

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.
ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ под редакцией и с критико-биографическим
очеркомъ А. М. Скабичевскаго и с приложениемъ портрета Шеллера.
ТОМЪ ПЕРВЫЙ Приложение къ журналу "Нива" за 1904 г. //Издание А. Ф.
МАРКАСА, С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1904
FB2: "rvvg ", 02 July 2015, version 1.0
UUID: F4BEA36E-1138-4556-8F59-5AЕСА49289FD
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Александр Константинович Шеллер- Михайлов

Пучина

ШЕЛЛЕР, Александр Константинович, псевдоним — А. Михайлов (30.VII(11.VIII).1838, Петербург — 21.XI(4.XII).1900, там же) — прозаик, поэт. Отец — родом из эстонских крестьян, был театральным оркестрантом, затем придворным служителем. Мать — из обедневшего аристократического рода.

Ш. вошел в историю русской литературы как достаточно скромный в своих идейно-эстетических возможностях труженик-литератор, подвижник-публицист, пользовавшийся тем не менее горячей симпатией и признательностью современного ему массового демократического читателя России. Декларативность, книжность, схематизм, откровенное морализаторство предопределили резкое снижение интереса к романам и повестям Ш. в XX в.

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0018
III.....	.0024
IV.....	.0037
V.....	.0045
VI.....	.0061
VII.....	.0068
VIII.....	.0074
IX.....	.0081
X.....	.0086
XI.....	.0095

А. К. ШЕЛЛЕР-МИХАЙЛОВ
Пучина

Я прочелъ публикацію о томъ, что кто-то — имени въ публикаціи не было обозначено — приглашаетъ по указанному въ ней адресу учителя для подготовленія молодого человѣка къ пятому классу гимназіи, желая притомъ помѣстить ученика пансіонеромъ къ преподавателю. Это было давно, въ 186* году. Я тогда жилъ исключительно уроками, а также держалъ пансіонеровъ, и потому поспѣшилъ на приглашеніе по указанному въ публикаціи адресу. Отыскавъ указанные домъ и квартиру, я позвонилъ у входныхъ дверей. Дверь открыла здоровая, коренастая и румяная служанка лѣтъ двадцати пяти, изъ деревенскихъ, судя по манерамъ и разговору, но, какъ было сразу видно, уже успѣвшая привыкнуть къ городскимъ нарядамъ, крахмаленнымъ юбкамъ и дешевенькимъ вызолоченнымъ серьгамъ, брошкамъ и браслетамъ съ яркими цвѣтными стеклами и говорившая «мерси-съ», когда ей за услугу совали въ шершавую руку двугривенный на чай.

— Вамъ кого? — грубовато спросила она,

стоя въ оборонительной позѣ въ дверяхъ и не впуская меня въ переднюю.

Я смутился немного, не зная кого спросить, такъ какъ въ публикаціи, какъ я сказалъ, значился только номеръ квартиры, но не значилось на имени, ни фамиліи ищущихъ учителя.

— Тутъ нуженъ учитель, — пояснилъ я, запинаясь.

— Кого учить-то? — еще болѣе грубо спросила она, смотря на меня злыми и наглými глазами. — Здѣсь баринъ одинъ Иванъ Трофимовичъ живетъ...

Я окончательно сконфузился, полагая, что я ошибся номеромъ дома или квартиры.

— Вѣдь это двадцать первый номеръ дома, а квартира номеръ девятый? — началъ я.

— Ну, да, — отвѣтила она и, какъ бы передразнивая меня, повторила:- домъ номеръ двадцать первый и квартиры девятый.

— Такъ въ газетахъ публиковали, — сталъ я опять пояснять:- что здѣсь требуется учитель.

— Никакого учителя намъ не надо, — отрывисто произнесла она. — Слава Богу, обуче-

НЫ...

— Аксинья! Аксинья! — раздался изъ сосѣдней комнаты стонуцій сиповатый голось. — Чего ты тамъ стрекочешъ въ дверяхъ? Сквозняка напустила! Кто тамъ?

— А Богъ ихъ знаетъ, — крикнула она въ отвѣтъ. — Учитель какой-то!

Она уже намѣревалась захлопнуть дверь передъ моимъ носомъ, но изъ комнаты слышался тотъ же стонуцій голось:

— Дура! дура! Охъ, ничего не понимаетъ! Остолопъ деревенскій! Идите сюда, кто тамъ? Охъ! дура!

— Ругатель! только отъ тебя и слышишь, что «дура»! — проворчала вполголоса служанка и громкимъ голосомъ властно приказала мнѣ: — Идите, коли зовутъ!

Она, видимо, умѣла и привыкла повелѣвать. Я поспѣшно вошелъ въ прихожую, сбросилъ легкое пальто и вошелъ въ комнату, откуда слышался стонуцій голось. Меня разомъ охватило запахомъ нашатыря, оподельдока, камфары. Передо мной была обширная комната, погруженная въ полумракъ, вслѣдствіе опущенныхъ темныхъ шторъ. Сра-

зу я могъ только разглядѣть, что она была загромождена затѣйливой мебелью, вышитыми подушками, картинами, статуэтками, лампами. Потомъ я рассмотрѣлъ, что все это было болѣе или менѣе цѣнное, даже рѣдкое, какъ, на примѣръ, портретъ какой-то дамы съ открытой шеей работы знаменитаго Левицкаго, эскизно вылѣпленная статуэтка даровитаго Пименова, часы въ стилѣ имперіи и тому подобныя вещи. При первомъ же взглядѣ на всѣ эти хаотически разставленные и развѣшенные предметы мнѣ показалось, что я попалъ въ лавку старьевщика, гдѣ сваливается въ одну нестройную кучу разныхъ, нерѣдко весьма дорогой хламъ. Не успѣлъ я приглядѣться къ окружающему меня, какъ услышалъ въ сторонѣ все тотъ же стонущій, хриплый голосъ:

— Это вы и есть учитель? Пансіонеромъ-то остолопа можете взять къ себѣ? Помѣщеніе-то есть?

— Могу, — отвѣтилъ я, все еще не зная, съ кѣмъ говорю.

— Ну, вотъ, ну, вотъ, это главное! Надоѣль онъ мнѣ, паршець. Теперь и говорить можно.

Охъ! Слава Богу! Хоть отдѣлаюсь! Садитесь, поговоримъ.

Я направился почти ощупью къ широкому турецкому дивану, обитому шелковой матеріей, гдѣ лежало что-то крупное, грузное, ворочавшееся съ боку на бокъ, стонущее и брюзжащее. Это былъ очень крупный, высокій и тучный старикъ, съ обрюзгшимъ лицомъ, съ разметавшимися и вьющимися сѣдыми волосами, въ красной турецкой фескѣ въ пестромъ турецкомъ халатѣ, въ желтыхъ турецкихъ туфляхъ съ загнутыми носками. Теперь, приблизившись къ нему и освоившись съ полутьмой, я могъ разсмотрѣть его фигуру и костюмъ до мельчайшихъ подробностей.

— Аксинья! Аксинья! — застоналъ онъ капризнымъ тономъ блажного ребенка. — О, дура! Никогда не придетъ сразу! Охрипнешь крича. Волю забрала, дура! Аксинья, подними шторы!

Онъ обернулся ко мнѣ, повернувшись немного на бокъ, причемъ я увидѣлъ изъ-подъ распахнувагося ворота его рубашки могучую волосатую грудь.

— Тьма совсѣмъ, не разсмотришь
человѣка, — пояснять онъ, продолжая брюз-
жать. — Точно въ тюрьмѣ. Вы меня ужъ изви-
ните, что я лежу, какъ колода. Боленъ я. Охъ,
охъ, совсѣмъ боленъ.

Покуда съ шумомъ вошедшая въ компа-
ту Аксинья угловатыми и отрывистыми
движеніями поднимала шторы, усиленно
дергая за шнурки и что-то ворча, я не безъ
любопытства всматривался въ этого старика.
Это была туша жиру съ рѣдѣющими, когда-то,
должно быть, очень густыми кудрями на
большой головѣ. Трудно было опредѣлить,
былъ ли онъ когда-нибудь красивъ или нѣтъ,
такъ какъ ожирѣніе искажало черты его ли-
ца, уже тронутаго параличомъ. Оставались
красивыми или, вѣрнѣе сказать, поражающи-
ми только глаза, рѣзкіе, проницательные,
наглые и хитрые до неприличія. Онъ поми-
нутно вертѣлъ головой и дѣлалъ лицомъ гри-
масы, подергиваемый мимолетными харак-
терными конвульсіями, говорившими сразу о
томъ, что онъ шибко пожилъ на своемъ вѣку.
При каждомъ его движенія запахъ нашаты-
ря, оподельдоку и камфары чувствовался

сильнѣе, точно этими снадобьями были пропитаны и его одежда, и его бѣлье. Онъ продолжалъ брюзгливо жаловаться:

— Навязали мнѣ еще это дѣло! Сестра все, двоюродная сестра... Найди, да найди ея болвану учителя и воспитателя. Сама въ деревнѣ сидитъ, сдвинуться лѣнь, мохомъ тамъ обросла, квашня. Ну, и пишетъ... дѣлать нечего, такъ и изводитъ бумагу... Мало того: сюда его прислала, на, моль, бери это сокровище да возись съ нимъ... А у сокровища уже усы отрастаютъ; въ головѣ, поди, всякая дрянь завелась... Повозись-ка съ нимъ... Думаютъ онѣ тамъ въ деревнѣ, что такъ тутъ и есть время бѣгать хлопотать за нихъ. Охъ, лежебоки! Наплодятъ дѣтей и рассылаютъ ихъ, словно посылки по почтѣ, кого въ корпусъ, кого въ институтъ. Воспитывайте и обучайте, моль, добрые люди, а мы свое дѣло сдѣлали. Прохвосты!.. А я боленъ, гдѣ мнѣ хлопотать съ балбесомъ. Замучилъ онъ меня, паршивецъ! Слава Богу, вотъ вы пришли. Охъ! Да, кстати: мы даже не отрекомендовались. Я не пропечаталъ своихъ имени и фамиліи. Потому друзья-пріятели скажутъ сейчасъ: «для незакон-

норожденнаго сына ищеть». Охъ, прохвосты. Рады бока помыть. И такъ говорятъ, что у меня въ каждомъ городѣ по женѣ и по дюжинѣ ребягъ! Про меня все плетутъ... Охъ, прохвосты! Меня зовутъ... Охъ!.. Охъ!..

Тутъ произошелъ маленькій эпизодъ, прорвавшій нашъ tête-à-tête.

Съ минуты моего прихода къ Ивану Трофимовичу я ощущалъ — не видѣлъ, не слышать, а только ощущалъ — присутствіе въ комнатѣ или за тяжелой драпировкой двори третьяго лица. Теперь это третье лицо не выдержало, взволнованное усиленными стонами Ивана Трофимовича, и явилось въ комнату. Это была черноволосая и черноглазая дама лѣтъ сорока-пяти, бѣлая, откормленная, выхоленная, съ утинымъ носомъ и сочными губами.

— Иванъ Трофимычъ, пора снять горчи́чникъ, — заговорила она пѣвучимъ и сладкимъ голосомъ съ слезой въ звукѣ. — Больше двадцати минутъ.

— Охъ, охъ, хорошо, хорошо! Надоѣли вы мнѣ всѣ, какъ горькая рѣдька! — застоналъ больной и въ изнеможеніи повернулся на сипну.

Дама съ слезой въ голосъ наклонилась надъ нимъ и стала возиться съ сниманіемъ горчичника. Больной сталъ стонать точно отъ невыносимыхъ мученій. Его немного хриплый голосъ совсѣмъ упалъ, какъ у умирающаго. Это видимо приводило въ отчаяніе даму съ слезой въ голосъ, и она чуть не плакала, стараясь по возможности осторожнѣе, исполнить свое дѣло. Когда операція сниманія горчичника кончилась, и дама съ слезой въ голосъ снова удалилась, больной опять сталъ извиняться передо мной:

— Охъ, боленъ я, боленъ! Чортъ дернулъ вчера къ пріятелю завернуть. Чуть не на колѣняхъ просятъ-молятъ: приди да приди... Извѣстно,дохнуть отъ скуки, идіоты, живой человекъ нуженъ... бывалый... Ну, вотъ и пошелъ... Такъ вотъ вѣдь окормили чѣмъ-то, прохвосты. Каждый разъ окормятъ! Вино подмѣшанное изъ сандала... масло изъ собачьяго жира... сигары изъ капустныхъ листьевъ... Скареды, со всякой дряни пѣнки готовы снимать и гостей угощать... Охъ!.. Да, такъ я вамъ началъ говорить, какъ меня зовутъ... Иванъ Трофимовичъ Братчикъ... Брат-

чикъ... Охъ!.. Слыхали, можетъ-быть? Поль-Петербургъ знаетъ... какое поль-Петербургъ — половина Россіи... Европѣ и той пѣвцовъ русскихъ показываль, чортъ ее возьми!.. Да... рвали всю жизнь на части... прохвосты... Таланты были... Охъ, бѣда эта суцая, таланты коли у человѣка...

Я, дѣйствительно, какъ мнѣ показалось, слыхаль эту фамилію, но не въ Петербургѣ, или, вѣрнѣе сказать, слыхаль ее, можетъ-быть, и въ Петербургѣ, но въ давно былые года. Когда и при какихъ обстоятельствахъ я ее слыхаль — итогу я не могъ вспомнить сразу, должно-быть, читаль въ какихъ-нибудь газетахъ, мелькомъ, безъ особеннаго вниманія. Я поторопился назвать свою фамилію:

— Викторъ Петровичъ Желѣзневскій.

— А?! — проговорилъ больной и разомъ повернулся ко мнѣ лицомъ, всматриваясь въ мое лицо зоркими, безцеремонными глазами, старающимися заглянуть въ чужую душу и притомъ съ твердой увѣренностью отыскать въ этой душѣ самую омерзительную грязь. — Желѣзневскій... Викторъ Петровичъ

Жельзневскій? Марья Ивановнѣ
Жельзневской родней приходитесь?..

— Она теткой мнѣ доводилась, то-есть была женой моего дяди, — отвѣтилъ я и вдругъ сразу вспомнилъ, гдѣ слышалъ я его фамилію, когда видѣлъ его.

— Венера! Венера! — воскликнулъ онъ съ одушевленіемъ и сдѣлалъ рѣзкое движеніе, отъ котораго почувствовалъ снова боли и заохалъ:— Охъ! охъ! вотъ вѣдь какъ окормили, прохвосты!.. Безъ ножа зарѣзали!..

Онъ закрылъ въ изнеможеніи свои вдругъ замаслившіеся и засверкавшій на минуту глаза и, точно въ бреду, среди стоновъ, забормоталъ:

— Вотъ, батенька, женщина-то. Не то, что вотъ эти, нынѣшнія мокрицы! — онъ съ прерзительнымъ выраженіемъ мотнулъ головой въ сторону той двери, за которой скрылась дама съ горчичикомъ. — Охъ!.. съ ума люди сходили... Охъ!.. Люди-то какіе были... не теперешніе, не гниль эта... не геморрой эти ходячіе... Охъ!.. здоровые люди были, кряжистые... Николаевскіе были люди!.. Охъ!

Онъ открылъ глаза и, зорко вглядываясь

въ меня, спросятъ:

— А вы сами-то кто же будете? «Монъ бижу»?

Я усмѣхнулся и отвѣтилъ:

— Нѣтъ: «Монъ шери».

— Да, да, тоже и я хорошъ!.. Перезабылъ все. Память измѣняетъ... Стара стала — глупа стала!.. Съ кѣмъ смѣшалъ, съ кѣмъ смѣшалъ. Съ карломъ паршивымъ. Вы меня ужъ простите, старика! А что же «Монъ бижу» — живъ, карла этотъ самый.

— Умеръ, — отвѣтилъ я: спился съ круга и въ больницѣ умеръ.

— Гмъ, гмъ! спился... умеръ въ больницѣ! — проговорилъ Братчинъ, качая въ раздумьѣ головой и дѣлая конвульсивныя гримасы подергивавшимся и подмигивающимъ лѣвымъ глазомъ. — А «Ма пренсесъ» — жива?

— Жива, кажется. Навѣрное не могу сказать. Ее пристроили въ городскую богадѣльню нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

— Гмъ, гмъ! въ богадѣльню, въ городскую богадѣльню! Да, да, другія времена! другія времена, — проговорилъ задумчиво стари-

къ. — Совсѣмъ другія! Вы вотъ учительствуете, «Монъ бижу» спился и въ больницѣ умеръ; «Ма пренсессъ» въ богадѣльнѣ, я вотъ... Охъ, охъ!.. животъ все это, животъ... окормили всякой миндрой, прохвосты!.. Да, другія времена!..

Дѣйствительно, времена были совсѣмъ другія, и никогда я не понималъ этого такъ ясно, какъ теперь, смотря на Ивана Трофимовича. А и всего-то прошло какихъ-нибудь двадцать пять лѣтъ съ того времени, когда я видѣлъ въ послѣдній разъ Ивана Трофимовича, но сколько воды утекло съ той поры!

Какъ ясно вспомнился мнѣ теперь этотъ день нашей послѣдней встрѣчи!

Въ барскомъ, роскошно отдѣланномъ и просторномъ домѣ «*ma tante*», то-есть Маріи Ивановны Желѣзневской, былъ блестящій костюмированный балъ съ живыми картинами. Вечеръ былъ устроенъ съ благотворительною цѣлью, и на немъ присутствовало самое изысканное общество тогдашнихъ великосвѣтскихъ прожигателей жизни и бездѣльниковъ. Время было глухое, скучное, разнообразившееся только чудовищными кутежами, чудодѣйными выходками богачей-самодуровъ, картежничествомъ и бретерствомъ съ финалами дуэлей, послѣ которыхъ одни сходили въ могилу, а другіе отправля-

лись провѣтриваться на Кавказъ. Въ это время такіе балы, какъ костюмированные балы Маріи Ивановны Желѣзневской, для которыхъ закладывались имѣнія съ крѣпостными душами, были сущимъ кладомъ. Это были своего рода Вальпургіевы ночи. Въ живыхъ картинахъ того вечера, о которомъ я вспомнилъ теперь, принимаю участіе множество народу и между прочимъ въ нихъ участвовали всѣ молодые воспитанники, воспитанницы, любимцы и любимицы *ma tante*, а этого народу у *ma tante* было всегда не мало, такъ какъ она всегда скучала и не любила старыхъ приживалокъ. Въ одной изъ картинъ, между прочимъ, роль гнома исполнялъ «Монъ бижу», тогда еще изумительно стройный и розовый двадцати-трехлѣтній карликъ, ростомъ не больше пятилѣтняго ребенка. Звали его Дмитріемъ Петровичемъ Кулешовымъ, но этого имени почти никто изъ постороннихъ не зналъ, такъ какъ карликъ значился подъ кличкой «Монъ бижу», данной ему *ma tante*. У нея вообще всѣ люди имѣли свои клички, какъ и ея собачонки. *Ma tante* получила эту крѣпостную душу въ подарокъ отъ одного

изъ своихъ страстныхъ поклонниковъ, когда карлику шелъ только пятнадцатый годъ, и обращалась всегда съ нимъ, какъ съ ребенкомъ, одѣвалась при немъ, заходила въ его «дѣтскую», когда онъ еще спалъ, сажала его къ себѣ на колѣни, принимала при немъ своихъ поклонниковъ, брала при немъ ванны и ее крайне забавлялъ этотъ ребенокъ-мужчина. Въ другой картинѣ «Ма пренсессъ» изображала «Спящую красавицу». Она, эта сирота какого-то проворовавшагося и погибшаго подъ судомъ чиновника, взятая на воспитаніе въ домъ та tante, была дѣйствительно замѣчательной красавицей, но въ то же время она была глухонѣмой. Она вмѣсто связной рѣчи издавала какіе-то странные, глухіе, похожіе на рычаніе звѣря звуки, отъ которыхъ нервныхъ людей коробило, но та tante они забавляли и смѣшили. Она переименовала ее изъ Катерины Семеновны Поспѣловой въ «Ма пренсессъ», обучила ее танцамъ и даже пѣнію, и глухонѣмая танцевала и пѣла или, вѣрнѣе сказать, завывала, какъ вѣтеръ въ трубѣ во время вьюги, и этимъ развлекала та tante, когда той было невы-

носимо скучно. Я или, выражаясь языкомъ *ma tante*, «Монъ шерн», тогда еще семилѣтній ребенокъ-сирота, тоже жилъ еще въ домѣ *ma tante* и потому долженъ былъ фигурировать въ живой картинѣ въ качествѣ Амура, мѣтящаго стрѣлой въ граціознаго Адониса, склонившагося на колѣни передъ Венерой; Венеру изображала сама *ma tante* — ей тогда уже шель лѣтъ десять подъ рядъ сорокъ пятый годъ, — а граціознымъ Адонисомъ былъ Иванъ Трофимовичъ Братчикъ, которому тогда шель двадцать восьмой годъ, на видъ же нельзя было дать болѣе девятнадцати...

Врѣзался этотъ день въ мою память, можетъ-быть, именно потому, что на слѣдующій день въ домѣ *ma tante* случился страшный и совершенно неожиданный переполохъ: *ma tante* внезапно заболѣла, у нея сдѣлался какой-то припадокъ, началась страшная истерика, въ домѣ всѣ ходили на цыпочкахъ и шептались о томъ, что «Адонись» сбѣжалъ, что «Адонись» пропалъ безъ вѣсти, что «Адониса» кто-то похитилъ. Я, «Ма пренсессъ» и «Монъ бижу» не смѣли переступить порога спальни *ma tante* и жались всѣ въ дѣтской, то-

есть въ комнатѣ «Монъ бижу», перепуганные болѣзнью *ma tante*. Потомъ переполохъ вдругъ утихъ, и насъ позвали въ большой бѣлый залъ, гдѣ такъ недавно были балъ, живыя картины, музыка и пѣніе. Теперь въ переднемъ углу этого зала, декорированнаго тропическими растеніями, за которыми виднѣлись бѣлыя простыни, закрывавшія десятки простѣлочныхъ зеркалъ, стоялъ черный катафалкъ, и на немъ лежала неподвижно какая-то вытянувшаяся женская фигура съ сѣдыми волосами, съ провалившимся беззубымъ ртомъ, съ изжелта-блѣднымъ лицомъ безъ бровей. Это была *ma tante*, вдругъ состарѣвшаяся въ день смерти лѣтъ на десять и даже болѣе. Пришли священники, пѣвчіе, наѣхали чиновные и вліятельные знакомые на панихиду. Потомъ, въ домъ, гдѣ уже производился грабежъ дворовыми людьми, наѣхали наслѣдники *ma tante* и выгнали на улицу «*Ma пренсессъ*» и «*Монъ бижу*». Оставшись на улицѣ, несчастная глухонѣмая «*Ma пренсессъ*» чуть не погибла съ голоду, попала въ нищенскій комитетъ, откуда, потомъ, ее пристроили въ городскую богадѣльню, а

«Монъ бижу», развратничая и пьянствуя напропалую, мало-по-малу, докутился до бѣлой горячки и, наконецъ, умеръ въ больницѣ... Меня въ это время новые опекуны сбыли съ рукъ на полный пансіонъ къ какой-то желавшей подкормиться на счетъ осиротѣлыхъ дѣтей нѣмкѣ, у которой жило очень много пансіонеровъ и готовилось очень мало кушаній...

Sic transit gloria mundi!..

Довольно долго вспоминали мы съ Братчикомъ всѣ мелкія подробности давно прошедшихъ временъ — временъ нашей жизни у Маріи Ивановны Желѣзневской. Все бывшее ярко воскресло въ нашей памяти и, припоминая всѣ его мелочи, оба мы невольно повторяли: «Да, да, другія времена были, другіе люди». Мнѣ казалось, что Братчикъ искренно сожалѣлъ о томъ, что эти былыя времена прошли и не вернутся снова, тогда какъ у меня было тяжело на душѣ про воспоминаніи обо всѣхъ этихъ «Монъ бижу» и «Ма пренссссъ», которыми поиграли, какъ игрушками, и которыхъ потомъ выбросили на улицу, какъ хламъ.

— Вашъ племянникъ у васъ? — наконецъ, спросилъ я Ивана Трофимовича, желая скорѣе приступить къ дѣлу.

— Что вы! что вы! — воскликнулъ почти съ ужасомъ Братчикъ. — Стану я держать у себя сопляка! Ненавижу я этихъ прохвостовъ, вездѣ тоже носъ суютъ, глаза мозолятъ, вертятся, какъ черти передъ заутреней!

Подсмотрѣть да подслушать все хочется! Охъ! Сестра, дура тоже, прислала, не спросясь, зарѣзала безъ ножа. Еще хорошо, что у меня Маремьяны эти есть. Охъ! знаете поговорку: «Маремьяна-старица обо всемъ міръ печалится». Ну, вотъ эти самыя Маремьяны и у меня есть, у каждаго онѣ есть. Безъ Маремьянъ ни одинъ видный человѣкъ не проживетъ. Да. Вонъ тамъ эта дура, — онѣ указалъ на дверь, куда скрылась дама со слезой въ голосъ, — она и взяла шалопаю. Обрадовалась даже случаю отличиться передо мной, онѣ всегда радуются... на нихъ верхомъ ѣзди, а онѣ радуются. Дуры!.. Охъ! охъ! Нельзя только у бабы-дуры оставлять, набалуеть его. Онѣ еще соплякъ, а она его сейчасъ въ чинъ молодого человѣка произведетъ, мужчиной онѣ начнетъ себя понимать. Какъ вонъ она только увидала его, сейчасъ и зарапортовалась: «Ахъ, милый молодой человѣкъ! Ахъ, ужъ я васъ потому буду любить, что вы племянникъ нашего дорогого Ивана Трофимовича!» Ну, она-то это сдуру, какъ ей и слѣдуетъ, зарапортовалась, а мальчишка отъ этихъ словъ ужъ и губы оттопыриваетъ: «цѣлуйте, молъ, меня за дяденькинъ

счетъ, буду много доволенъ». Охъ! Драть его еще надо, штаны спустить и драть! А она: «молодой человекъ»!

Онъ сильно взволновался и раскашлялся, охая и бранясь. Его толстая служанка, какъ видно, не безъ основанія называла его ругателемъ. Онъ ругаль дѣйствительно всѣхъ и за все.

— Когда же я могу видѣть юношу, чтобы проэкзаменоватъ его и уговориться насчетъ условій? — спросилъ я, когда Братчикъ немного утихъ.

— Ахъ, что тутъ условія! — простоналъ Иванъ Трофимовичъ. — Сестра не нищяя, хорошо заплатитъ! Все равно деньги зря мотать, дура. Чего же тутъ говорить объ условіяхъ. Охъ! только бы пристроить щенка.

— Но все же я долженъ хотя знать, насколько онъ подготовленъ...

— Да, да... Такъ вы къ ней, къ Маремьянѣ поѣзжайте...

Иванъ Трофимовичъ крикнулъ:

— Ольга Сергѣевна! Эй, Ольга Сергѣевна, заснули, что ли?

Дама со слезой въ голосъ появилась изъ-за

драпировки, быстро сменя ногами.

— Вы меня звали? — искательнымъ топомъ приживалки спросила она.

— А вы оглохли, что ли? Конечно, васъ звалъ, — проворчалъ Иванъ Трофимовичъ брюзгливымъ голосомъ. — Другой тутъ Ольги Сергѣевны нѣтъ. Возьмите вотъ этого молодого человѣка и поѣзжайте съ нимъ къ себѣ домой. Сейчасъ же поѣзжайте! Ему надо Алексашку проэкзаменовать.

— А какъ же вы? — испуганно спросила дама съ слезой въ голосъ.

— Что: какъ же я? — передразнилъ ее Иванъ Трофимовичъ.

Въ эту минуту раздался звонокъ въ передней, и тотчасъ-же до насъ долетѣли быстрые вопросы:

— Неужели лежитъ! Что же меня не извѣстили? Человѣкъ умереть могъ, а меня не извѣстили.

— Ну, вотъ Сорока-бѣлобока еще прилетѣла, — проговорилъ Иванъ Трофимовичъ насмѣшливо. — Охъ, уѣзжайте, уѣзжайте! И съ одной съ ума сойдешь!.. Вотъ сейчасъ трещать начнетъ!.. Охъ! поѣзжайте!

Я всталъ съ мѣста; дама съ слезой въ голосъ тоже покорилась приказанію. Въ дверяхъ мы встрѣтились съ какой-то высокой, некрасивой и немолодой особой съ рѣзкими и угловатыми мужскими манерами. Она на ходу кивнула недружелюбно и пренебрежительно головой моей спутницѣ и сразу быстро заговорила, обращаясь къ больному:

— А я-то шла, хотѣла рассказать...

— Охъ, вы всегда идете и всегда рассказываете, — застоналъ больной:— и все набать, все набать бьете!

Дальнѣйшаго разговора я уже не слыхалъ, выбравшись съ моею спутницею на улицу.

— И зачѣмъ онъ ее принимаетъ, зачѣмъ принимаетъ! — въ сильномъ волненіи заговорила моя спутница сладкимъ и опечаленнымъ голосомъ. — Старая дѣва, сплетница первѣйшая, она на весь міръ за свое собственное безобразіе, корчитъ изъ себя протестующую либералку и говоритъ — за десятерыхъ говорить!

Я мелькомъ бросилъ взглядъ на свою спутницу и убѣдился, что она-то, несмотря на свой не особенно красивый носъ, не могла пожа-

ловаться на свою фізіономію съ бѣлымъ тѣломъ, съ румяными щеками и сочными губами, съ прекрасно сохранившимися волосами. Лѣтъ двадцать тому назадъ она, вѣроятно, считалась одною изъ тѣхъ русскихъ красавиць, которыхъ, несмотря на неправильныя черты ихъ румяныхъ лицъ, сравниваютъ съ бѣлою лебедью; теперь же если ея и нельзя было уже назвать хорошенькой, то все же отъ нея вѣяло здоровьемъ, выхоленностью, сытостью, и она, какъ говорится, была въ тѣлѣ.

— Конечно, я понимаю, что за такимъ человѣкомъ всѣ гоняются, — продолжала она волноваться за Ивана Трофимовича. — Но онъ-то долженъ беречь себя, а онъ добръ, онъ всѣхъ терпитъ около себя, никого не можетъ прогнать... Вѣдь почему и хвораетъ? Потому что куда-ни пригласятъ, — ко всѣмъ ѣдетъ, вездѣ его рвутъ на части. Конечно, такой человѣкъ кладъ для общества, но ему-то надо беречь себя.

Она вдругъ обернулась ко мнѣ и спросила:

— Какъ вы его нашли?

— То-есть, — началъ я, не зная, что отвѣтить.

— Въдь онъ плохъ, очень плохъ? — допрашивала она.

— Мнѣ кажется, — началъ я.

Она перебила меня:

— Ну да, мнѣ тоже кажется, что плохъ, а тутъ эта сорока... онъ удивительно мѣтко опредѣляетъ людей... эта сорока, какъ онъ ее называетъ, заговорить его.

Я улыбнулся, вспомнивъ, что ее онъ называлъ «Маремьяной». Она подмѣтила мою улыбку и еще болѣе оживленно заговорила:

— Да, да, его опредѣленія невольно вызываютъ улыбку своею мѣткостью. Это въдь просто геніальный человекъ. Вы слышали его рассказы? Нѣтъ? Ахъ, это нѣчто такое тонкое и полное юмора. Ну, право, расскажетъ, какъ двѣ бабы ссорятся изъ-за свиньи въ огородѣ: «Это твоя свинья весь огородъ изрыла!» «Анъ нѣтъ, твоя!» или какъ ямщикъ торопился лошадей запрягать, отыскивая цѣлый часъ шлею, которая была у него въ рукахъ, — а всѣ до колотья смѣются. А въ Чацкомъ вы его видѣли? Да неужели не видали? Это же и представить себѣ нельзя, не видавши! Не будь онъ бариномъ до мозга костей, онъ былъ

бы первымъ артистомъ у насъ. Чацкій и Хлестаковъ — вы вообразите, такія двѣ крайности, и въ обѣихъ роляхъ онъ неподражаемъ былъ. А что онъ сдѣлалъ по части хорового пѣнія? По Европѣ возилъ составленный и обученный имъ хоръ. Говорятъ, у него голоса нѣтъ. Да онъ безъ всякаго голоса любого мужчину до слезъ растрогаетъ. Королева Викторія...

— Не взять ли намъ извозчика, — прервалъ я ее, не предвидя конца ея восторженнымъ похваламъ Ивану Трофимовичу. — Вы устанете!

— Нѣтъ, я же близко вотъ тутъ живу, — отвѣтила она, указывая рукой въ пространство. — Я нарочно наняла поближе квартиру, чтобы онъ не былъ одинъ въ такія минуты, когда ему нуженъ заботливый женскій уходъ.

— Вы давно знакомы съ Иваномъ Трофимовичемъ? — полюбопытствовалъ я.

— О, я его поклонница Богъ вѣсть съ какихъ поръ, но домами мы знакомы три-четыре года, — пояснила Маремьяна. — Не знать его было бы странно кому бы то ни было изъ русскихъ. Такихъ людей немного на Руси.

Онъ все свое состояніе убилъ на свободное служеніе искусству. Огромное состояніе на это прожилъ. Я благоговѣла передъ нимъ прежде, чѣмъ увидала этого оригинальнаго генія. Потомъ я узнала, что онъ все болѣетъ, и пришла къ нему, какъ настоящая русская къ истинно-русскому человѣку, безъ рекомендацій, прямо, просто и честно. Я знаю, какъ тяжело одинокому человѣку, когда около него нѣтъ заботливой женской души. Онъ это тоже пережилъ и узналъ по опыту. Я такъ счастлива, что могу быть полезной такому человѣку.

И опять, немного раздражившись, она заговорила скороговоркой:

— Нѣтъ, а вы представьте эту сороку. Она никогда не видѣла его въ пору его лучшей дѣятельности, слышала только о немъ, потому что нельзя же было о немъ не слышать, и ворвалась къ нему съ улицы. За чѣмъ вы думаете? Учить его вздумала, за чѣмъ онъ съ его талантомъ рассказчика и пѣвца не обличаетъ язвъ общества. Теперь вѣдь въ модѣ эта обличительная литература, эти куплеты о современныхъ пошлостяхъ. Ну, такъ вотъ, по ея

мнѣнію, онъ обличать долженъ, писать долженъ. Онъ рассказчикъ-импровизаторъ, онъ народный пѣвецъ, поймите вы это, а она пиши, обличай. Она вѣдь глупа, глупа непроходимо, не понимаетъ, что его рассказы именно тѣмъ-то и хороши, что они само вдохновеніе, что они похожи на пѣсни соловья, что все ихъ значеніе въ его передачѣ, и что они должны умереть съ нимъ. Ему пробовали подражать, передразнивать его, но все это выходило жалкимъ и пошлымъ. Ему вонъ и въ Чацкомъ, и въ Хлестаковѣ подражать пробуютъ, да развѣ это возможно? Онъ не актеръ, не голодный писака, не наемный человекъ, а свободный артистъ въ душѣ, русскій баринъ въ области искусства. Онъ не служитъ искусству, какъ рабъ, а дѣлаетъ честь искусству, нисходя до него иногда...

«Опять зарапортовалась», вспомнились мнѣ слова Ивана Трофимовича.

Мы дошли между тѣмъ до квартиры моей спутницы и, переступивъ порогъ этого жилища, я на минуту подумалъ, что я попалъ на толкучій рынокъ въ праздничный день. Тутъ все визжало, пѣло, кричало, играло не то на

гребенкахъ, не то на гармоникахъ, не то на дудкахъ среди перекувырнутыхъ стульевъ, разбросанныхъ игрушекъ, нарванной бумага. Нянька, горничная, ребятишки, какая-то горбатая калѣка на костыляхъ, какой-то полуразбитый параличомъ старикъ съ идиотичнымъ взглядомъ, не владѣющій лѣвыми рукой и ногой, все это смѣшалось въ одну кучу.

— Пощадите, пощадите! — шутливо молящимъ тономъ воскликнула моя спутница, обращаясь къ своимъ домашнимъ. — Что у васъ за столпотвореніе!

И, обратившись во мнѣ, замѣтила:

— Я не стѣсняю, своихъ дѣтишекъ и боюсь держать ихъ въ одиночествѣ. У нихъ вѣчно гости. Они должны расти въ обществѣ и для общества.

Потомъ, понизивъ голосъ, со вздохомъ прибавила:

— А эта вотъ горбатенькая хромоножка кормится у меня, несчастная. Старичокъ тоже этотъ изъ богадѣльни приходитъ. Когда-то, говорятъ, артистомъ былъ, скрипачомъ. Параличомъ теперь разбитъ. Нельзя тоже жить для одной себя, и это примѣръ для дѣтей. Они

должны видѣть, какъ дѣлается добро прямо, просто и честно.

«Маремьяна», припомнилось мнѣ выраженіе Братчика. Я хотѣлъ спросить, гдѣ мой будущій ученикъ, когда мой взглядъ случайно обратился въ уголь. Здѣсь, въ большомъ вольтеровскомъ креслѣ, сидѣлъ юноша лѣтъ четырнадцати или пятнадцати, охвативъ обѣими руками приподнятое колѣно правой ноги, откинувъ назадъ голову и насвистывая что-то съ насмѣшливой улыбкой, блуждавшей по его лицу. Я чуть не вскрикнулъ: прошлое, давно забытое прошлое, воскресло въ моей памяти; мнѣ казалось, что передо мною сидитъ помолодѣвшій Иванъ Трофимовичъ, — нѣтъ, не Иванъ Трофимовичъ, а Адонись, тотъ самый Адонись, послѣ бѣгства котораго въ одну ночь посѣдѣла, а потомъ отдала Богу душу Марья Ивановна Желѣзневская. Роскошные золотистые кудри, замѣчательные по выраженію, упрямые, наглые и злые каріе глаза, темныя брови дугою, слегка сросшіяся на переносѣ и придававшія лицу выраженіе настойчивости, яркій румянецъ здоровья на щекахъ, чуть-чуть трону-

тый золотистыми веснушками,
замѣчательная бѣлизна кожи, явно
насмѣшливая, слегка нахальная улыбка, все
это было унаслѣдовано юношею отъ Ивана
Трофимовича.

IV

— **М**илый Александръ, — начала пѣвуче Ольга Сергѣевна, обращаясь къ юношѣ, просительнымъ тономъ:— Вотъ господинъ, который долженъ тебя проэкзаменовать.

Онъ слегка сощурилъ глаза, окинулъ меня нѣсколько презрительнымъ взглядомъ съ ногъ до головы и, разжавъ руки, потянулся немного и всталъ. Мы обмѣнялись поклонами. Я оглядѣлся кругомъ, соображая, что среди этого хаоса будетъ трудно экзаменовать. Онъ сразу подмѣтилъ мой взглядъ и съ усмѣшкой пожалъ плечами, какъ бы говоря: «здѣсь это всегда». Я обратился къ хозяйкѣ, прося провести меня и моего будущаго ученика въ какой-нибудь болѣе тихій уголокъ. Она словно растерялась: въ столовой у нея теперь поденщица, несчастная вдова героя-солдата, взорвавшаго что-то и кого-то и вслѣдствіе того тоже взорвавшагося на воздухъ въ Севастопольскую войну, — гладила бѣлье, такъ какъ она очень болѣзненный и нервный человекъ и въ кухнѣ не можетъ гладить, не вынося ча-

да; въ дѣтской шьютъ двѣ дѣвушки дѣтское бѣлье и платица — онѣ изъ благородныхъ, и она, хотъ онѣ и не умѣютъ шить, даетъ имъ поденную работу, чтобы спасти ихъ отъ магазиновъ, гдѣ такъ быстро балуются дѣвушки и дѣлаются падшими. Послѣ долгихъ соображеній удобнѣе всего оказалась ея спальня, гдѣ не было никого, и куда былъ не такъ слышенъ шумъ буянившей орды дѣтей. Я и мой будущій ученикъ прошли въ спальню хозяйки, нарядную, съ отдѣланныхъ кружевами и кисеей туалетомъ, съ голубымъ атласныхъ одѣяломъ на постели, съ мягкими голубыми креслами-раковинами, но находившуюся въ полномъ безпорядкѣ, съ валявшимися на стульяхъ полотенцами, съ разбросанными платьями и чулками, съ незапертыми ящиками и дверцами шифоньерки. Неряшливость и неприбранность этой комнаты были поразительными; казалось, что тутъ только-что произошелъ какой-то переполохъ по случаю нашествія непріятелей, пожара или чего-нибудь подобнаго.

— Что вы знаете? — спросилъ я своего будущего ученика, усѣвшись на кресло.

Онъ не сълъ, а выдвинулъ одно изъ кресель на середину комнаты, сбросилъ съ него брезгливо какой-то хламъ и оперся руками о его спинку. Желаніе казаться старше своихъ лѣтъ сказывалось въ каждомъ его движеніи.

— Я ничего не знаю, — отвѣтилъ онъ мнѣ вызывающимъ тономъ съ легкой усмѣшкой, слегка раскачиваясь на мѣстѣ.

— То есть какъ же это ничего не знаете? Вамъ, кажется, лѣтъ четырнадцать? — сказалъ я.

— Даже пятнадцатый давно пошелъ, — отчетливо отвѣтилъ онъ, точно желая похвастать своимъ возрастомъ.

— Но все же... вѣдь читаете же вы, пишете, знаете хоть начала, — началъ я.

Онъ безцеремонно перебилъ меня:

— Вы лучше меня не экзаменуйте, а просто возьмите отсюда, куда я не сбѣжалъ изъ этого дома сумасшедшихъ. Я учиться буду, и способности у меня отличныя...

— Вотъ какъ! Даже отличныя, — немного насмѣшливо сказалъ я, раздраженный его хвастливостью и развязностью.

Онъ взглянулъ мнѣ въ глаза смѣлымъ, по-

что дерзкимъ взглядомъ и рѣзко вызывающе подтвердилъ:

— Да, отличныя!

Я пожалъ плечами и спросилъ его:

— А если вы, не смотря на свои отличныя способности, не подготовитесь къ будущему году къ пятому классу гимназіи?

— Это все равно. Я вообще и не думаю о гимназіи! Я пойду въ военную службу.

— Мнѣ вашъ дядя говорилъ... — началъ я снова.

— Мало ли что городить дядя! — рѣзко перебилъ онъ меня и пояснилъ:— Дядя это говорилъ, потому что такъ моя мать писала, но у нея... Дядя ее самъ зоветъ «седьмою пятницею», потому что у нея всегда семь пятницъ на одной недѣлѣ.

Я постарался сдѣлать строгое лицо, чтобы не улыбнуться.

— У кого вы до настоящаго времени учились? — спросилъ я.

— Гувернантки разныя пріѣзжали ссориться съ матерью, а учился я самъ, — отвѣтилъ онъ.

Я поднялся съ мѣста. Въ моей головѣ мель-

кала мысль, что мнѣ надо отказаться отъ этого ученика. Ничего не знаетъ, бахвалится способностями, нагло говоритъ о матери, повидимому, исковерканъ порядочно. Имѣть у себя въ домѣ такого воспитанника не радость, да, пожалуй, не удастся даже и подготовить его.

— Когда же вы меня возьмете? — спросилъ онъ меня, видя, что я намѣреваюсь идти.

— Да я, вѣроятно, вовсе не возьму васъ къ себѣ,- отвѣтилъ я.

— То-есть какъ же это? — спросилъ онъ.

— Да такъ: откажусь, вотъ и все.

Онъ вопросительно взглянулъ на меня своими говорящими глазами. Его видимо удивило мое рѣшеніе отказаться взять его въ ученики, когда за это дадутъ деньги, и даже большія деньги. Потомъ я вполнѣ убѣдился, что онъ былъ серьезно увѣренъ, что за деньги можно добыть все и купить всѣхъ.

— Почему же откажетесь взять меня къ себѣ? — спросилъ онъ.

— Не уживемся вмѣстѣ,- пояснилъ я откровенно. — Я покажусь вамъ слишкомъ требовательнымъ, строгимъ, а вы...

Я усмѣхнулся и прибавилъ:

— Очень ужъ вы развязный юноша.

Онъ покраснѣлъ до ушей, видимо оскорбленный моимъ тономъ, и нѣсколько рѣзко отвѣтилъ:

— Я не овца!.. Только вы напрасно думаете, что я дуракъ. Я знаю, что я долженъ буду много работать. Недорослемъ изъ дворянъ мнѣ нельзя остаться. Я по слѣдамъ дяди не желаю идти. Я потому и настоялъ, чтобы меня сюда отправили, отъ сестеръ, отъ гувернантокъ, отъ дразгъ... Мать взбалмошная...

— Какое право имѣете вы, пятнадцатилѣтній мальчишка, такъ говорить о матери? — рѣзко оборвалъ я его, почти прикрикнувъ на него. — Уже одно это...

— Я не слѣпой, — перебилъ онъ меня задорно.

— Да, но судить-то старшихъ вамъ немного рано, — замѣтилъ я.

— Я никогда не лгу и говорю, что думаю, — твердо отвѣтилъ онъ.

Я ничего не сказалъ, не желая ни спорить, ни браниться съ мальчикомъ, котораго я все еще не былъ намѣренъ ни учить, ни вос-

питать, и, ничего не рѣшивъ, направился къ двери. Мнѣ хотѣлось обдумать всесторонне вопросъ, прежде чѣмъ взять на себя обузу обученія и воспитанія этого юнца. Онъ, видя, что я хочу уйти, торопливо удержалъ меня за рукавъ и вдругъ совсѣмъ новымъ тономъ проговорилъ:

— Нѣтъ, послушайте, послушайте, возьмите меня отсюда. Пожалуйста, возьмите! Тутъ еще хуже, чѣмъ дома у насъ. Тамъ хоть уйти можно, а здѣсь... Я, право, сбѣгу отсюда! Чтожъ хорошаго бѣглымъ быть?

Я улыбнулся и положилъ руку на его плечо, думая поговорить съ нимъ. Но онъ уже уловилъ мою улыбку, заглянулъ мнѣ въ глаза заискивающимъ, чуть-чуть плутоватымъ взглядомъ и невыразимо милымъ, подкупающимъ тономъ ласки и мольбы, съ кокетливостью, свойственной только женщнамъ, — шепнулъ:

— Возьмете? Да? Вѣдь возьмете?

Я невольно улыбнулся снова при этихъ торопливыхъ словахъ. Почему-то у меня мелькнула мысль о томъ, что, вѣроятно, такой личикой являлся Иванъ Трофимовичъ въ бы-

лые годы, очаровывая людей въ роли Адониса.

— Хорошо. Завтра рѣшу, — отвѣтилъ я.

— Нѣтъ, ужъ вы сегодня! — молилъ онъ. — Хорошо? А? Сегодня рѣшите?

И опять въ его тонѣ, въ его манерахъ была «лисичка». Вообще въ немъ было что-то такое, что я не могъ опредѣлить сразу. Но я чувствовалъ, что онъ, если это будетъ для него нужно, можетъ «залѣзть въ душу». Сомнѣніе и заносчивость, развитіе не по лѣтамъ и дѣтская наивность, отталкивающая рѣзкость въ сужденіяхъ и подкупающая ласковость, все это смѣшивалось въ немъ вмѣстѣ въ одно сложное цѣлое и отчасти лежало въ его натурѣ, отчасти было привито нелѣпымъ воспитаніемъ. Въ немъ, было много отталкивающаго, но стоило ему только заговорить своимъ ласковымъ и подкупающимъ тономъ, и всѣ его недостатки забывались неволью. Меня заинтересовалъ этотъ сложный характеръ.

Прибыльскій поселился у меня, и я довольно быстро успѣлъ сжитья съ нимъ, такъ какъ онъ самъ дѣлалъ всѣ усилія, чтобы я освоился съ нимъ. Вообще онъ умѣлъ достигать всего, что казалось ему нужнымъ или полезнымъ для него. Это была основная черта его характера. Для него люди были или дойными коровами, или выжатыми лимонами. Съ первыми онъ былъ, можетъ-быть, вполне безсознательно ласковымъ теленкомъ, чтобы имѣть возможность сосать не только одну, а даже двухъ матокъ; вторые вызывали его холодное пренебреженіе, такъ какъ они не годились ни на что и заслуживали только быть выкинутыми въ помойную яму. Если при такомъ характерѣ было невозможно перевоспитать его, отъ чего я и отказался, какъ отъ непосильной для меня задачи, то было вовсе не трудно при такомъ характерѣ подготовить его къ экзаменамъ для поступленія въ военное училище. Онъ считалъ нужнымъ поступить въ училище и потому лѣзъ изъ кожи, чтобы достигнуть этого... То, что онъ говори-

лъ мнѣ о своемъ полномъ невѣжествѣ, оказа-
лось вѣрнымъ только отчасти: онъ зналъ
очень много для своихъ лѣтъ, но всѣ знанія
были нахватаны имъ безъ системы: иногда
онъ зналъ отлично «концы», не имѣя понятія
о «началахъ»; порой онъ поражалъ начитан-
ностью по извѣстному предмету, но которому
онъ и въ руки не бралъ собственно учебнико-
въ. Способности его были дѣйствительно от-
личныя, выдающіяся, и въ этомъ отношеніи
онъ такъ же напоминалъ своего дядю, какъ
лицомъ. Съ первыхъ же дней я увидалъ, что
его подготовить не трудно не только что въ
два съ половиною года, но даже, если бы по-
надобилось, и въ болѣе короткій срокъ. По-
буждать его къ ученію было легко. Правда,
грубостью, рѣзкостью съ нимъ нельзя было
ничего подѣлать; тутъ онъ, такъ сказать, за-
кусывалъ удила и, забывъ все остальное, ста-
рался только показать, что онъ не какое-ни-
будь «животное», не какой-нибудь «хамъ»,
чтобы имъ «командовали». Но онъ боялся
насмѣшки, боялся ироніи, боялся презрѣнія.
Сказать ему мягко, какъ бы мимоходомъ: «ко-
нечно, вы этого еще не можете осилить», —

это значило заставить его провести бессонную ночь и добиться желаемого результата. Стоять впереди другихъ, отличатся во всемъ — это было для него главное и ради этого онъ готовъ былъ не только переносить извѣстные неудобства и лишенія, но и давить другихъ. Мягкостью онъ по отношенію къ своимъ соперникамъ и конкурентамъ вообще не отличался. Мнѣ всегда казалось, что онъ не моргнулъ бы глазомъ, если бы ему пришлось раздавить челоуѣка и перешагнуть черезъ него для достиженія цѣли. Замѣчательны были его правдивость и отвращеніе ко лжи, но и тутъ была у него особенность, такъ какъ онъ доводилъ эти качества иногда до грубости, до рѣзкости. Онъ самъ говорилъ, что, по его мнѣнію, «лгать — значитъ быть трусомъ», что «ложь — это хамство», и онъ не замѣчалъ, что иногда то, что онъ называлъ правдивостью, дѣлалось дерзостью или жестокостью: онъ былъ способенъ сказать несчастному калѣкъ въ глаза, что тотъ отвратительный уродъ, и, вѣроятно, въ качествѣ доктора сказалъ бы прямо безъ всякихъ обиняковъ и подготовленій больному,

что тотъ долженъ не сегодня, такъ завтра умереть, а потому можетъ не лѣчиться, хотя бы это ускорило смерть больного: сердечная мягкость была не изъ числа его добродѣтелей, хотя онъ и могъ быть очаровательной «лисичкой». Трудно сказать, лежала ли эта рѣзкая и грубая правдивость въ его натурѣ или развилась вслѣдствіе своевольности, безъ всякой узды, проведеннаго въ деревнѣ дѣтства подъ вліяніемъ «Седьмой пятницы», какъ называлъ его мать Иванъ Трофимовичъ. Въ связи съ правдивостью находилась его болтливая откровенность, всегда направленная въ одну сторону — къ осужденію ближнихъ, къ ироніи надъ ними, къ изображенію ихъ въ карикатурномъ видѣ. Если Иванъ Трофимовичъ безпричинно и безапелляціонно самъ ругалъ всѣхъ наповаль, то Прибыльскій умѣлъ говорить о людяхъ такъ, что его слушателямъ оставалось только ругать ихъ; Братчинъ, такъ сказать, самъ судилъ и самъ казнилъ людей, Прибыльскій излагалъ ихъ вины и предоставлялъ другимъ низкую роль палачей. Иногда мнѣ хотѣлось сдержать въ Прибыльскомъ его прокурорское краснорѣчіе и

откровенность за счетъ другихъ, особенно, когда дѣло касалось его семейной жизни, его родныхъ, но это было такое же бесплодное стремленіе, какъ стремленіе удержать горный потокъ: поставишь загородку въ одномъ мѣстѣ — потокъ прорвется въ другомъ и все-таки достигнетъ своей цѣли. Волей-неволей въ свободные отъ занятія часы въ теченіе двухъ съ половиной лѣтъ я, мой помощникъ-учитель и жившіе у меня два пансіонера узнали и семейную обстановку Прибыльскаго, и характеръ его матери, и жизнь Ивана Трофимовича.

— А, право, хорошо у насъ здѣсь, Викторъ Петровичъ, — вдругъ сорвется, бывало, съ языка у Александра, когда мы, наработавшись за день, усядемся всею семьей за вечерній чай:— все дѣлается въ свое время, въ домѣ тихо, ни шуму, ни дрязгъ... Вотъ вы къ намъ въ деревню заглянули бы: домъ въ пятнадцать чистыхъ комнатъ, слугъ цѣлая орда въ людскихъ, такъ какъ у насъ всѣ старые дворовые грабительства ради остались жить, а порядку нигдѣ,— пыль, грязь, все разбросано, дѣти дерутся, бьютъ носы, орутъ, няньки и гу-

вернантки переругиваются, а мама сегодня всѣхъ до одного челоѵка выгнать хочетъ, а завтра чувствительный спектакль всепрощенія разыгрываетъ; сегодня всѣхъ насъ, противныхъ ребятишекъ, въ углы ставить, а завтра съ нашей гувернанткой зубъ за зубъ бранится за насъ и другую изъ комиссіонерской конторы выписываетъ... Сама она говоритъ, что это у нея все потому, что у нея «нервы и мигрень», а прїѣдетъ дядя и начинаетъ увѣрять, что это вовсе не отъ нервовъ и мигрени, а только потому, что у нея семь пятницъ на недѣль. Ахъ, дядя, дядя, вотъ-то субъектъ!

Прибыльскій начиналъ смѣяться.

— Вы слыхали, Викторъ Петровичъ, что дядя отъ бездѣлья, четыреста душъ проѣлъ и три наслѣдства?

— Я мало знакомъ съ Иваномъ Трофимовичемъ, — замѣтилъ я уклончиво.

Прибыльскій не безъ лукавства взглядывалъ на меня.

— А правда, Викторъ Петровичъ, что я какъ двѣ капли воды схожъ съ нимъ? — допрашивалъ онъ.

Я пожималъ плечами и какъ можно равнодушнѣе отвѣчалъ:

— Съ чего вы это взяли? Можетъ-быть, фамильное сходство и есть, но очень отдаленное.

Въ душѣ я сознавалъ, что Александръ былъ вылитымъ Иваномъ Трофимовичемъ.

— Да, это вамъ такъ кажется, потому что вы не знали его молодымъ, — говорилъ Прибыльскій. — У матери вотъ его портретъ на столѣ стоитъ въ будуарѣ, молодымъ онъ. нарисованъ, такъ вотъ совершенно я. Кто въ первый разъ увидитъ, тотъ такъ и думаетъ, что это мой портретъ.

И опять его выразительные глаза пытливо смотрѣли на меня, точно спрашивая, понимаю ли я причину этого сходства, которую знала вся деревня и о которой слухи, вѣроятно, успѣли дойти до ушей пятнадцатилѣтняго барченка, отлично знавшаго, что Иванъ Трофимовичъ, если и придется ему дядей, то во всякомъ случаѣ дядей троюроднымъ или даже просто седьмой водой на кисель. Вообще дворянъ и людскія были главными воспитателями Прибыльскаго:

здѣсь онъ почерпнулъ всѣ свѣдѣнія объ исторіи своей семьи, о человѣческихъ отношеніяхъ, о жизни; но, широко воспользовавшись въ этой школѣ познаніями добра и зла, онъ въ то же время проникся глубокимъ презрѣніемъ къ этой школѣ, и ея учителямъ; дворовыхъ онъ иначе не называлъ, какъ дармоѣдами, грабителями, пропойцами, тунеядцами, хамами и дѣвками.

— Нянька моя вотъ-то ненавистница была Ивана Трофимовича, — сообщалъ мнѣ Прибыльскій. — Онъ такъ и зналъ это. Пріѣдетъ, бывало, встрѣтитъ ее и сейчасъ къ ея уху наклонится — глуха она уже была — и кричитъ во все горло: «Что, старая карга, — скалозубъ я?» — «Тьфу ты, бѣсъ окаянный, — отплюнется старуха; — Оглушилъ совсѣмъ. Скалозубъ и есть. Охальникъ безстыжій, вотъ ты что». И ужъ на цѣлые дни начнетъ ворчать старуха: «Ишь мелкимъ бѣсомъ разсыпается; ишь зубы скалить; ишь чертей тѣшить. Съ изъ-дѣтства такимъ былъ, всѣхъ дѣвокъ и бабъ перегубилъ, безстыжіе глаза. Иная и по сію пору изъ-за тебя кулаками слезы отираетъ, да истязанія отъ своего мужика терпитъ». Дядю

это смѣшило. Да и другіе смѣялись. Вообще, гдѣ дядя — тамъ хототъ, гамъ, визгъ, мертвыхъ онъ расшевелить.

— А я все стонущимъ его вижу, — замѣтилъ я какъ-то не безъ удивленія.

Дѣйствительно, мнѣ все приходилось заставлять Ивана Трофимовича валяющимся на диванѣ и стонущимъ отъ разстройства желудка.

— Да это онъ или притворяется, чтобы за нимъ ухаживали больше, или когда объѣстся въ гостяхъ, — пояснилъ мнѣ насмѣшливо Прибыльскій:— а такъ въ компаніи и теперь онъ первый балагуръ. Прежде же, говорятъ, былъ еще веселѣе. Мать часто вспоминаетъ, какимъ онъ былъ въ молодости: въ домашнихъ спектакляхъ игралъ первыя роли, рассказы смѣшные рассказывалъ, сатирическіе экспромты въ стихахъ говорилъ, разъ, когда въ пухъ и въ прахъ разорился, собралъ хоръ изъ бывшихъ крѣпостныхъ и по ярмаркамъ ѣздилъ, за границу даже возилъ этотъ хоръ. Умѣлъ потѣшать людей и веселиться. Его изъ дома въ домъ приглашали, за особенное счастье считали, если гдѣ-нибудь часто бы-

валь и подолгу гостилъ онъ. Жаль только, не умѣлъ стоять на высотѣ своего положенія.

Въ тонѣ игравшаго роль взрослога и щеголявшаго серьезными фразами юноши, когда онъ говорилъ о Братчикѣ, слышалось нѣкоторое высокомеріе. Впрочемъ, онъ и вообще говорилъ о людяхъ свысока, точно давно уже переросъ ихъ всѣхъ на цѣлую голову.

— Скажите, вы не знаете, гдѣ служилъ Иванъ Трофимовичъ? — спросилъ я однажды у Прибыльнаго.

— Дядя-то? Да онъ нигдѣ же никогда не служилъ, — отвѣтилъ Александръ. — Онъ нигдѣ и не учился. Такъ вольнымъ человекомъ всю жизнь и прожилъ. Правда, разъ въ монахи хотѣлъ поступить да не удалось.

— Ну, это ужъ вы привираете! — сказалъ я недовѣрчиво.

— Право, не вру! — горячо отвѣтилъ онъ. — Мать говорила. Когда проѣлъ всѣхъ своихъ крестьянъ, тогда и рѣшился идти въ монастырь. Выгнали его только тотчасъ же изъ монастыря за безобразія, а тутъ дѣдъ его умеръ, получилъ онъ новое наслѣдство и закуролесилъ снова.

И опять выразительные глаза Прибыльнаго пытливо заглянули мнѣ въ лицо.

— А вы, Викторъ Петровичъ, всѣхъ его Маремьянъ видѣли? — спросилъ онъ.

— Какихъ Маремьянъ? — спросилъ я въ свою очередь.

— А вотъ Ольгу Сергѣевну, у которой мы встрѣтились съ вами, потомъ эту сороку Дарью Михайловну, что на гренадера въ женской юбкѣ похожа, потомъ блоху...

Я невольно улыбнулся.

— Блоху не видали? — со смѣхомъ спросилъ Прибыльскій. — Это такая маленькая, черненькая барышня, зовутъ Настасьей Семеновной: дядя только ротъ откроетъ — она сейчасъ прыгъ-прыгъ отъ восторга, затрепыхается, хлопаетъ руками и хохочотъ-хохочетъ до упаду, чуть не кувыркаясь въ вольтеровскомъ креслѣ. Дядю это тѣшитъ. «Поклонница моя!» говоритъ онъ. Много ихъ теперь около него. Тѣшутъ его, ходятъ за нимъ, въ глаза ему смотрятъ, смѣются, прежде чѣмъ онъ состритъ. Это ему теперь необходимо, чтобы смѣялись-то прежде его остротъ, такъ какъ онъ линять началъ: повыдохся и повторяется.

Недаромъ же онъ на все и всѣхъ сердиться сталъ. «Что насъ ждетъ?» говоритъ. Слышали вы, какъ онъ это говоритъ? Съ чувствомъ! Нѣтъ, теперь ужъ ему безъ Маремьянъ совсѣмъ плохо было бы. Онъ ихъ всѣхъ Маремьянами зоветъ, а про Ольгу Сергѣевну говоритъ: «Это Маремьяна по преимуществу». Онъ моей матери въ прошломъ году, когда гостилъ у насъ, много при мнѣ рассказывалъ про нихъ. Языкъ у него острый и злой: двумя-тремя фразами и очертитъ личность, и зарѣжетъ ее. Я, когда сюда прїѣхалъ, сразу узналъ всѣхъ этихъ барынь, про которыхъ онъ у насъ рассказывалъ. А хоть и тѣшатъ онѣ его, все же не радостна ему съ ними жизнь. Рассказывалъ онъ про нихъ матери и вздыхалъ. «Оборыши, — говорилъ, — все теперь». Очень ужъ онъ ихъ не уважаетъ!

Дѣйствительно, это были оборыши. Онѣ должны были казаться жалкими въ своихъ обноскахъ Ивану Трофимовичу, проѣвшему сотни душъ и нѣсколько наслѣдствъ, — ему, на котораго промотали еще болѣе денегъ разныя барыни иныхъ временъ въ родѣ *ma tante*, дѣлавшей въ свое время много шуму своей

распущенной широкой жизнью. Она-то не походила на Маремьянъ, которыя напоминали ласковыхъ собачонокъ, виляющихъ хвостами даже и тогда, когда ихъ бьютъ: съ ними мало хлопотъ, но мало и сильныхъ ощущеній.

— Ужъ и боятся же онѣ его, — замѣтилъ какъ-то Дрибыльскій, заговоривъ про Маремьянъ. — Въ прошломъ году, уѣзжая къ намъ, попугая своего дядя отдалъ на сбереженіе Маремьянѣ по преимуществу. Ну, а у нея, вы сами видѣли: Содомъ и Гоморра. Сперва одинъ изъ ея обожаемыхъ ангелочковъ окормилъ попку, потомъ другой изъ этихъ ангелочковъ вытащилъ у него перья изъ хвоста, наконецъ, третій окончательно свернулъ ему шею. Тутъ-то и началась драма: забѣгала Маремьяна по всѣмъ знакомымъ, во-первыхъ, для того, чтобы занять рублей сто, — она всегда, когда ей необходимы деньги, занимаетъ, точно на радостяхъ, вдвое больше, чѣмъ ей нужно, — а во-вторыхъ, для того, чтобы узнать, гдѣ можно купить попугая — она никогда шагу не сдѣлаетъ, не объѣздивши всѣхъ знакомыхъ и не спросивъ въ слезахъ у каждаго совѣта.

— Что же, нашла попугая-то? — спросилъ я.

— Нашла, нашла, — отвѣтилъ Прибыльскій. — Точь-въ-точь такого, какимъ былъ усопшій. Вздохнула она свободнѣе, повеселѣла и вдругъ, — о, ужасъ! — пріѣхалъ дядя, увидалъ попугая, заговорилъ съ нимъ, а тотъ ему по-французски «бонжуръ» говоритъ. Разорался дядя: «Что, кричитъ, это такое? Мой говорилъ: „прохвость“, а этотъ: „бонжуръ!“ это развѣ мой попка? Да вы мнѣ хоть родите, а подайте моего вмѣсто этого „бонжура“, чтобы говорилъ: „прохвость!“

Было ужъ тутъ слезъ у нея...

Александръ зналъ всѣ мелочи жизни Ивана Трофимовича, какъ видно, не только наблюдая за ними, но и спрашивая о нихъ всѣхъ и каждого.

— А какъ онъ теперь скупъ сталъ, такъ этому и повѣрить трудно, — сообщалъ мнѣ Прибыльскій. — Ужъ какъ ни командуетъ имъ его Аксинья, а и на ту онъ набрасывается, если лишній гривенникъ истратитъ она. Она на него кричитъ: „Опять въ гости, а завтра застонете“, „опять въ легкомъ пальтѣ иде-

те, а завтра животомъ кататься по дивану будете“, „лежали бы, когда Богъ убилъ“. Онъ все молчитъ, все сносить. А принесетъ она сдачи — недостаетъ пяти копеекъ и начинается грызня: „Обворовала меня, по-міру пустить хочешь, на паперти, что ли, мнѣ съ протянутой рукой изъ-за тебя стоять“. Маремьяны только и усмиряютъ: варенья натащатъ, винограду, шарфовъ и набрюшниковъ навяжутъ. Одна передъ другой отличиться старается. Усмирится онъ, притихнетъ, припрятетъ все принесенное и въ вечеру спокойнѣе отбиваетъ обычные поклоны, колотя себя въ грудь и громко восклицая: „Прости, Господи, мои согрѣшенія! Непусти!“ Очень набоженъ онъ сталъ за послѣднее время. Смерти боится! Вѣрно, потому же и жалуется, что люди развратились и страха въ нихъ больше нѣтъ. Тоже проповѣдникъ! Ужъ кто бы другой это говорилъ, а не онъ...

Слушая волей-неволей эти болѣе или менѣе откровенные, рассказы болтливаго юноши, я узналъ въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ всю прошлую жизнь Ивана Трофимовича и, такъ сказать, между строками до-

полнялъ въ своемъ воображеніи характеристику этого „вольнаго челоѣка“, Богъ вѣсть зачѣмъ и для чего прожившаго на свѣтѣ долгую жизнь, разорившаго сотни мужицкихъ семей, пустившаго по свѣту десятки незаконныхъ ребятъ и нажившаго въ концѣ-концовъ только катаръ желудка. Красоту, молодость, умъ, таланты, все сгубилъ онъ въ какомъ-то колобродствѣ, гаерствѣ, угарѣ, чтобы въ концѣ жизни, ругая всѣхъ и все, угасать среди восторгающихся имъ отъ дурашливости Маремьянъ, слушая грубости „взявшей волю“ и презирающей его деревенской служанки, скаредничая изъ непреодолимаго страха передъ нищетою, валяясь со стонами по дивану послѣ, обжорства, или замаливая съ отбиваніемъ земныхъ поклоновъ былые грѣхи въ смертельномъ ужасѣ передъ будущимъ.

VI

Во все время своего пребыванія у меня Александръ Прибыльскій не доставилъ мнѣ никакихъ особенныхъ непріятностей или огорченій. Учился онъ, какъ я уже сказалъ, хорошо; никакихъ шалостей за нимъ я не замѣчалъ; съ двумя другими пансіонерами, жившими у меня въ то время, онъ держалъ себя довольно ровно, сдержанно и спокойно, какъ разсудительный взрослый съ мальчиками, сторонясь отъ нихъ, когда они, бывшіе по годамъ старше его, дурачились, какъ ребяташки, и вообще держась больше около меня, чѣмъ около нихъ. Особенной пріязни они къ нему не питали, чувствуя, что онъ считаетъ себя и умнѣе, и степеннѣе, и выше ихъ, но и враждебности къ нему я не замѣчалъ въ нихъ, такъ какъ онъ не былъ ни шпиономъ, ни наушникомъ, и всегда, уже просто изъ самолюбія, былъ готовъ даже помочь товарищамъ въ занятіяхъ, когда они просили объ этомъ. Только одинъ прискорбный случай нарушилъ на-время господствовавшій у меня въ домѣ миръ.

Въ іюль мѣсяцѣ поступилъ ко мнѣ новый пансіонеръ, Николай Петровичъ Огородниковъ. Это былъ юноша лѣтъ семнадцати, бѣлокурый, кудрявый, голубоглазый, широкій въ кости, добродушный, веселый и съ сильной лѣнцой, хотя и съ большими способностями. Поступилъ онъ ко мнѣ всего на мѣсяцъ, покуда его не примутъ въ военное училище, къ поступленію въ которое онъ уже былъ подготовленъ другимъ учителемъ, неожиданно покинувшимъ Петербургъ по служебнымъ дѣламъ и попросившимъ меня продержатъ мѣсяцъ этого пансіонера до его поступленія въ училище. Съ перваго же дня поступленія ко мнѣ Огородникова Прибыльскій сталъ съ нимъ въ натянутыя отношенія: по какимъ причинамъ — этого я не могъ понять сразу. Потомъ я узналъ, что Огородниковъ, добродушный юмористъ по натурѣ, любившій довольно безобидно и не всегда удачно подшутить надъ ближними, подмѣтилъ кое-какія слабыя стороны Прибыльскаго и тотчасъ же поднялъ его на зубокъ.

— Что онъ у васъ всегда такимъ пѣтухомъ

индѣйскимъ ходить? — спросилъ на третій же день послѣ поступленія ко мнѣ Огородниковъ у двухъ другихъ пансіонеровъ, указывая на Прибыльскаго.

Прибыльскій дѣйствительно держалъ себя немного надутымъ и производилъ на первый взглядъ впечатлѣніе заважничавшагося юноши. Шутка Огородникова задѣла Александра за живое. Затѣмъ, увидавъ, что Александръ остригъ волосы подъ гребенку, Огородниковъ не пропустилъ этого случая и замѣтилъ:

— Ну, теперь и совсѣмъ не подходитъ къ нему, такъ онъ оцетинился!

Потомъ, подмѣтивъ, что Прибыльскій старается быть больше около меня, чѣмъ около товарищей, Огородниковъ уже не безъ ѣдкости пошутилъ:

— А онъ далеко пойдетъ, знаетъ, когда и къ кому прикомандироваться нужно!

Началась мелкая, немного пошловатая пикировка, начался обмѣнъ фразъ въ родѣ слѣдующихъ: «Огородниковъ, передайте мнѣ соль». — «Смотрите, чтобы намъ не поссориться». — «А развѣ мы съ вами дружились?» Или въ другой разъ: «А вы, Прибыльскій, от-

чего не носите внутреннихъ каблуковъ?» — «Зачѣмъ это?» — «Да вы еще выше своего роста казались бы».

Уже въ какія-нибудь три недѣли оба юнца были врагами, хотя Прибыльскій и старался сдерживаться. Отстрѣливаться шутками отъ шутокъ, какъ я потомъ хорошо узналъ, онъ не умѣлъ вовсе. Я чувствовалъ, что у насъ происходитъ что-то неладное, и радовался въ душѣ, что Огородниковъ скоро уйдетъ отъ меня и такимъ образомъ Прибыльскій успокоится.

Какъ на грѣхъ на послѣдней недѣлѣ передъ самымъ началомъ экзаменовъ въ военномъ училищѣ, куда поступалъ Огородниковъ, въ спальнѣ моихъ пансіонеровъ произошла крупная размолвка между Прибыльскимъ и Огородниковымъ. Это было вечеромъ. Огородниковъ отъ нечего дѣлать перечитывалъ «Мертвыя души» Гоголя, лежа на постели. Вдругъ онъ опустилъ книгу и спросилъ Прибыльнаго, который сидѣлъ у стола и занимался геометрией:

- А вы читали, какъ васъ описалъ Гоголь?
- Опять вы что-то несообразное горо-

дить собираетесь! — рѣзко отвѣтилъ Прибыльскій, краснѣя до ушей. — Всѣ и такъ давно убѣждены въ вашей глупости.

Огородниковъ засмѣялся.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, началъ онъ. — Гоголь непременно васъ имѣлъ въ виду, когда описывалъ разговоръ Чичикова про дядю съ генераломъ Бетрищевымъ.

И онъ вслухъ прочелъ:

«Да что онъ съ виду какъ? бодръ? держится еще на ногахъ?» — «Держится, но съ трудомъ». — «Экой дуракъ! И зубы есть?» — «Два зуба всего, ваше превосходительство». — «Экой осель! Ты, братецъ, не сердись... а вѣдь онъ осель», — «Точно такъ, ваше превосходительство. Хоть онъ мнѣ и родственникъ, и тяжело сознаваться въ этомъ, но дѣйствительно — осель».

— Мерзавецъ! — крикнулъ Прибыльскій, вскочивъ изъ-за стола. — Ты это будешь долго помнить!..

— Ты только ругаться и умѣешь, — отвѣтилъ Огородниковъ. — Поумнѣе чего-нибудь придумать не можешь.

— И ругаться, и драться умѣю, — сказалъ

Прибыльскій стискивая зубы. — Скотовъ только и можно ругать и бить Весь вѣкъ ты не забудешь, какой я Чичиковъ!

Онъ быстро вышелъ изъ спальни...

Въ нашей квартирѣ уже всѣ спали, когда въ комнатѣ пансіонеровъ произошла въ эту ночь неожиданная свалка: Прибыльскій, какъ дикій звѣрь, напалъ ночью на спящаго Огородникова и, усѣвшись на него верхомъ и зажавъ ему ротъ рукою, нанесъ ему нѣсколько ударовъ по лицу, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ очнуться и вскочить.

— Иди теперь завтра на экзамень въ синякахъ съ битою мордой! — шипѣлъ Прибыльскій. — Съ рекомендаціей явишься на первый экзамень... Увидятъ, что съ битой тварью имѣють дѣло... Будешь помнить, что значить высмѣивать людей...

Когда мнѣ пришлось разбирать эту исторію, я впервые понялъ, что Прибыльскій способенъ убить человѣка. Отвѣчая на мои вопросы, онъ твердымъ голосомъ нѣсколько разъ повторилъ мнѣ:

— Я и въ другой разъ при подобныхъ обстоятельствахъ поступлю такъ же, Викторъ

Петровичъ! Я не хамъ я не овца.

VII

Разъ въ мѣсяцъ я заходилъ къ Ивану Трофимовичу за полученіемъ присылавшихся изъ деревни за Александра Прибыльскаго денегъ; иногда я заходилъ къ нему одинъ, иногда съ Прибыльскимъ. Почти каждый разъ я заставлялъ Братчика валяющимся на диванъ, стонущимъ и охающимъ. Страшныя боли не мѣшали ему, однако, каждый разъ поражать меня своими нарядами: то онъ лежалъ въ турецкомъ халатѣ, фескѣ и туфляхъ, то былъ наряженъ въ венгерку съ массою шнурковъ и пуговицъ, то на немъ было надѣто нѣчто въ родѣ татарской одежды, съ татарской шапочкой на головѣ; разъ я даже засталъ его въ монашескомъ подрясникѣ и послушнической шапочкѣ на головѣ. Этотъ вѣчный маскарадъ сдѣлался уже непреодолимой потребностью этого ярмарочнаго героя изъ дворянъ. У него вошла въ плоть и въ кровь привычка ходить ряженымъ и притомъ ряженымъ не только по костюму, но и по нравственности. Нигдѣ я не видалъ большаго противорѣчія между словомъ и дѣломъ, какъ въ жизни Братчика, ни-

гдѣ лицемѣріе не было такъ развито, какъ у него. Онъ постоянно игралъ какую-то роль и жилъ внутри себя жизнью совсѣмъ несхожею съ этою ролью. Любимою его ролью была роль «широкой русской натуры», а между тѣмъ основной чертой его характера было сухое «себѣ на умѣ» завятаго себялюбца: онъ могъ прокутить имѣнія, крѣпостныхъ, деньги, но прокутить только на себя, на свои прихоти, на свой разгуль и не вслѣдствіе широкаго размаха натуры, а вслѣдствіе чудовищныхъ развращенности и распущенности, стоившихъ большихъ денегъ; гдѣ можно было надуть, утянуть, обойтись безъ затраты денегъ, тамъ онъ дѣйствовалъ не хуже любого барышника; какъ онъ умѣлъ обирать людей — это знали въ былыя времена его хористы и хористки и тѣ несчастныя личности, которыхъ онъ, нисколько не стѣсняясь своей ролью, цѣлыми фурами возилъ на ярмарки, какъ товаръ. Ничего этого, конечно, не понимали и не желали понимать Маремьяны, прикомандировавшіяся добровольно къ этимъ развалинамъ умирающаго Адониса. Онѣ почти неотлучно пребывали при немъ и,

несмотря на его брюзжаніе, иногда просто на площадную ругань, покорно и заботливо услуживали ему. Онъ видимо были вполнѣ довольны и счастливы одною возможностью вертѣться около этой «знаменитости», даже не спрашивая себя, въ чемъ была его извѣстность, въ чемъ была его слава, въ томъ ли, что онъ всю жизнь билъ баклуши, въ томъ ли, что пускалъ по-міру крѣпостныхъ, въ томъ ли, наконецъ, что онъ не стыдился торговать собою и продавать другихъ? Объ этомъ онъ даже не задумывались и сдѣлались покорными холопками того, кто не полѣнился обратить ихъ въ своихъ холопокъ. Одна Аксинья относилась скептически къ Братчику: для нея онъ былъ просто презрѣнной руиной изношеннаго мужчины, и она третировала его съ непозволительной грубостью.

— Ну, куда лѣзете, коли ужъ Богъ убилъ!.. — прикрикивала она на него, если онъ задумывалъ куда-нибудь ѣхать.

— Волю взяла, волю взяла!.. Охъ, выгнать нѣтъ силъ, — жаловался онъ на нее, но не гналъ ея. — Она дѣвка здоровая, гдѣ же най-

дешь другую? — объяснилъ онъ. — А за мной уходъ нуженъ. Не на Маремьянъ же положиться, стрекотать только умѣютъ...

Дѣйствительно, Аксинья годилась не для одного «стрекотанія», она была для него и сидѣлкой, и фельдшеромъ и, можетъ-быть, чѣмъ-нибудь еще.

Занятый однимъ-собою, одними своими недугами, онъ почти не интересовался тѣмъ, какъ идетъ ученіе Прибыльскаго. Когда я начиналъ говорить объ этомъ, онъ замѣчалъ:

— Оболтусъ онъ. Драть ихъ надо, прохвостовъ. Охъ, плохо, когда не дерутъ! Въ наше время не церемонились съ ними! Штаны долой и дерутъ, бывало...

— Онъ учится очень хорошо, способности большія, — пояснялъ я.

— Знаетъ черезчуръ много! Да!

— Ну, знаніе не бѣда.

— Да вы о чемъ? О наукѣ? Охъ, я не о томъ! Носъ вездѣ суетъ. Вотъ я о чемъ. Вездѣ подглядитъ, подслушаетъ. Тоже дворня наплела Богъ вѣсть чего. Прохвосты! И мать, дура, тоже разную чепуху городила... Вотъ-вотъ кавардакъ въ головѣ и произошелъ... Почтенія къ

старшимъ нѣтъ. Въ свой носъ дуеть, парши-
вещь!

Онъ поворачивался ко мнѣ обрюзгнувши-
мъ, жёлчнымъ лицомъ...

— Замѣчали, какъ онъ на все смотритъ?
Охъ, на лицѣ усмѣшечка, критикуетъ. Охъ,
быль бы я здоровъ, написалъ бы я ему крити-
ку, такъ, что сидѣть бы съ недѣлю не могъ.
Лучше нѣтъ этой критики... Вотъ недѣлю у
меня только жилъ, а чуть не избилъ я его. Го-
ворю я вамъ, что все въ свой носъ дуеть. Эхъ,
нынѣшняя молодежь!.. — Чего мы ждемъ?..
чего ждемъ?.. Нигилитина пошла, отрицають
все... Слышали, можетъ, семиспальныя кроват-
ти завели. Это комуна! Вы присмотритесь, что
дѣлается, что говорится, авторитеты къ чорту,
власти не нужны, мужика и того не смѣй по-
ротъ, а ужъ о молодежи нечего и говорить —
пальцемъ не тронь... А я бы имъ горячень-
кихъ всыпаль, перестали бы отрицать, поче-
сались бы небось...

Онъ злобно хихикалъ.

— Прохвосты!

Брюзжанье уже вошло въ привычку, онъ
становился иногда просто несносенъ по сво-

ей злобѣ на всѣхъ и на все. Меня порой смѣшило, когда онъ начиналъ злиться на ку-тящихъ и веселящихся людей, называя ихъ прохвостами только потому, что у него само-го уже не варилъ желудокъ. Съ нѣкоторыхъ поръ онъ сталъ особенно сильно настаивать на необходимости воздержанной и цѣломудренной жизни, проповѣдывалъ дѣвственность мужчинъ и женщинъ и ругалъ молодежь за то, что она только и дѣлаетъ, что развратничаетъ. Это давало ему поводъ приводить сотни примѣровъ распущенности, изъ которыхъ одинъ былъ болѣе сальнымъ чѣмъ другой. Иванъ Трофимовичъ видимо смаковалъ эти сальности и придумывалъ ихъ самъ своимъ изобрѣтательнымъ воображеніемъ, входя въ мелочныя подробности грязныхъ сценъ, которыя онъ придумывалъ на досугѣ и которыя будто бы происходили въ дѣйствительности.

VIII

На третье лѣто пребыванія у меня Прибыльскаго его мать пригласила меня прїѣхать съ Александромъ къ ней въ имѣніе. У меня въ это время не было другихъ пансіонеровъ, и я, отправивъ на дачу свою семью, поѣхалъ съ Александромъ въ провинцію. «Седьмая пятница» оказалась именно такою, какъ я и представлялъ ее себѣ. Это была уже довольно не молодая, изнервничавшаяся, искривлявшаяся, почти не сохранившая слѣдовъ былой красоты провинціальная барыня съ вѣчными охами и вздохами, говорившая обо всякихъ пустякахъ истеричнымъ, приподнятымъ тономъ, точно о разрушающемся мірѣ, и любившая, несмотря на годы, двусмысленности и сальности. Въ концѣ-концовъ, одинъ ея трагическій тонъ по поводу переваренной курицы и не поданныхъ къ кофе сливокъ могъ довести до отчаянія, до положительной ненависти къ ней, но, къ счастью, я и Александръ помѣстились въ отдѣльномъ домикѣ въ паркѣ и могли, отговариваясь занятіями, большую часть дней про-

водить въ сторонѣ отъ госпожи Прибыль-ской.

Такъ прошли три лѣтніе мѣсяца, послѣ которыхъ, въ началѣ августа, намъ пришлось снова перебраться въ Петербургъ.

Какъ-то разъ, когда Прибыльскій уже сдалъ экзамены въ военномъ училищѣ, я зашелъ съ нимъ къ Братчику узнать, вернулся ли тотъ съ дачи, и очень удивился, найдя входную дверь въ квартирѣ отворенною. Въ передней мы встрѣтили какихъ-то неизвѣстныхъ намъ людей, не обратившихъ на насъ никакого вниманія. Мы прошли въ гостиную, гдѣ обыкновенно лежалъ на своемъ турецкомъ диванѣ Иванъ Трофимовичъ. Въ комнатѣ сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, пахло камфарой, оподельдокомъ и нашатырнымъ спиртомъ, но Ивана Трофимовича здѣсь не было, а стояли какіе-то незнакомые намъ люди.

— Что онъ опять нездоровъ, что ли? спросилъ Прябыльскій, обращаясь ко мнѣ.

Мы услышали разговоръ незнакомыхъ намъ людей, они обсуждали какой-то непонятный для насъ вопросъ.

— Закрывать надо скорѣе, такъ нельзя оставить, потокъ не закроешь! — говорилъ одинъ.

— Известки надо положить, — посоветовалъ другой.

— Ну да, такъ и поможетъ твоя известка, — отозвался третій.

Мы вошли въ слѣдующую комнату и замерли на мѣстѣ: посрединѣ комнаты стоялъ гробъ, а въ гробу лежало что-то тучное, совершенно почернѣвшее, страшное. Воздухъ въ этой комнатѣ былъ невыносимъ. Насъ точно пришибло что-то.

— А я у васъ была! — раздался около насъ знакомый полный слезъ голосъ Маремьяны по преимуществу. — Вообразите, вчера вечеромъ умеръ, а мнѣ дали знать только съ часъ тому назадъ, да и то не дали въ сущности знать, а сама я зашла...

— Мнѣ и вовсе никто не сказалъ, я мимошла и узнала, — заговорила грубымъ голосомъ появившаяся тутъ же сорока.

Около покойника, между прочимъ, уже хлопоталъ гробовщикъ, пояснявшій, что надо не только закрыть крышку то и запаять ее.

— Да кто же распоряжается похорона-

ми? — допрашивала Маремьяна.

— Аксинья, — отозвалась сорока. — Аксинья и какой-то управляющій здѣшняго дома, какъ мнѣ сказали. Простой совсѣмъ унтеръ-офицеръ.

— Ахъ, я знаю, онъ вѣчно на кухнѣ у Аксиньи сидѣлъ, — проговорила Маремьяна. — Несчастнѣйшій Иванъ Трофимовичъ и не зналъ. Еще убить бы могли его эти люди вдвоемъ...

— Говорятъ, Аксинья все завѣщала онъ, — рассказывала сорока. — Да этого быть не можетъ. Врутъ вѣрно!

— Ахъ, онъ былъ такъ слабъ, она его заставила сдѣлать духовную, — прослезилась Маремьяна. — Вотъ что значить, что мы всѣ развѣхались на лѣто...

Въ квартиру Ивана Трофимовича стали набираться люди. Никто не смѣлъ приблизиться къ гробу, всѣ старались стоять въ другой комнатѣ. Гробовщикъ со своими помощниками хлопоталъ о томъ, чтобы гробъ закупорить герметически. Эти люди и читальщики разсуждали о томъ, что покойникъ какъ начнетъ лопаться, такъ тогда «воды не оберешься, ежели не закупорить», и приводили

примѣры, какъ одинъ покойникъ «точно изъ пушекъ стрѣлялъ», а другой «крышу выперъ — разбухъ и выперъ». Между Маремьянами шли немолчныя сплетни объ Аксинѣ, о томъ, какъ смѣла она со своимъ любовникомъ распоряжаться похоронами, не извѣстивъ никого изъ друзей покойнаго. Квартира Ивана Трофимовича превратилась въ какой-то базаръ, гдѣ люди сновали взадъ и впередъ, говорили, спорили, бранились. Я и Прибыльскій отошли въ сторону въ ожиданіи панихиды и молчали: насъ обоихъ поразили и эта неожиданность смерти, и страшный видъ покойника, чернаго, какъ уголь, съ обрамленнымъ сѣдыми волосами лицомъ. Вдругъ около меня раздался неожиданный вопросъ:

— Вѣдь это же несомнѣнно, что онъ былъ моимъ отцомъ?

Я обернулся къ Прибыльскому: онъ былъ блѣденъ и смотрѣлъ какъ-то особенно сосредоточенно въ пространство. Я не могъ ничего ему отвѣтить: не хотѣлось лгать, не хотѣлось и говорить правду. Впрочемъ, онъ, казалось, и не ждалъ отвѣта, погружившись въ думы.

Въ это время явились священникъ и дьячокъ, въ комнатѣ запылали свѣчи и началась служба. Маремьяны молились на колѣняхъ и плакали. Мой ученикъ стоялъ неподвижно, какъ-то безпомощно опустивъ свѣчу, съ которой воскъ, какъ слезы, такъ и капалъ на паркетъ. Когда стали гасить свѣчи, онъ даже и не замѣтилъ, что у него взяли изъ рукъ незагашенную имъ свѣчку.

— Пойдемте, — сказалъ я ему, взявъ его за руку.

Онъ очнулся, слегка вздрогнувъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Викторъ Петровичъ, я не желалъ бы такъ прожить, — заговорилъ онъ въ волненіи, выйдя на улицу. — Нѣтъ, нѣтъ, это совсѣмъ не веселая была жизнь. Въ пучину какую-то онъ попалъ...

И, взявъ меня подъ руку, онъ рѣзко спросилъ меня:

— Нѣтъ, скажите откровенно: вѣдь я могу многого добиться, вѣдь у меня есть характеръ?

Да, у него былъ характеръ и онъ многого могъ добиться, но въ какую пучину могло затянуть его и его себялюбіе, такое же чудовищ-

ное, какъ и у его отца, — это было трудно предугадать.

На другой день появилась утромъ въ газетахъ, въ траурной каймѣ, публикація о смерти Ивана Трофимовича Братчика и приглашеніе къ нему на похороны. Приглашала неутѣшная его вдова «Ксенія Ивановна Братчикъ».

IX

Почти каждое воскресенье въ теченіе двухъ лѣтъ послѣ поступленія въ училище Александръ Прибыльскій былъ моимъ постояннымъ гостемъ. Знакомое мнѣ училищное начальство не могло нахвалиться имъ: прекрасный ученикъ въ классѣ, замѣчательный фронтовикъ, строгій исполнитель дисциплины, онъ не заслуживалъ ни отъ кого ни одного упрека и всѣ вперёдъ знали, что онъ выйдетъ изъ училища однимъ изъ первыхъ и, вѣроятно же всего, первымъ: будетъ записанъ на мраморную доску. Я, пользуясь его исключительнымъ довѣріемъ, зналъ даже болѣе — зналъ, что онъ сдѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы и въ офицерскомъ званіи сдѣлать быструю карьеру: академія, серьезное изученіе военныхъ наукъ, все это уже входило въ его дальнѣйшіе, тщательно составленные планы будущаго... Онъ, какъ я подшучивалъ надъ нимъ, жилъ по циркулю.

— Ахъ, если бы война! — сказалъ онъ мнѣ однажды, рассматривая карту военныхъ дѣйствій только-что начавшейся тогда фран-

ко-прусской войны и отмѣчая булавками съ флагами движенія войскъ и ходъ битвъ.

За этимъ занятіемъ, какъ ребенокъ за постройкой карточныхъ домиковъ, онъ могъ проводить цѣлые часы, обдумывая и обсуждая, что вошло бы, если бы тотъ или другой отрядъ двинулся не въ ту, а въ другую сторону.

— Ну, да спасетъ насъ судьба отъ этого бѣдствія, — проговорилъ я въ отвѣтъ на его восклицаніе.

— Какое же бѣдствіе? — возразилъ онъ поспѣшно. — То, что убьютъ во время войны тысячи людей? Такъ вѣдь они и безъ того умерли бы годомъ или десяткомъ лѣтъ позже? Не все ли равно? Помните, какъ морякъ отвѣчалъ на вопросъ о томъ, какъ можетъ онъ не бояться моря, гдѣ погибли его предки? Правда, его предки погибли всѣ въ морѣ, но вѣдь и у спрашивавшаго всѣ предки погибли на постели, однако, онъ не боялся же ложиться на постель? Право, это все одно и то же. А война нужна, она необходима для освѣженія воздуха, для прогресса.

— Очень ужъ вы безапелляціонно это гово-

рите, — замѣтилъ я. — Есть люди, научно образованные, которые говорятъ совершенно другое. Вотъ, на примѣръ...

Онъ перебилъ мою рѣчь:

— Нѣтъ, нѣтъ, это пустяки! Безъ войны нельзя жить: борьба — это законъ, природы, одолевать и побѣждать должны сильные; послѣ войны пробуждается энергія и у побѣдителей, и у побѣжденныхъ, миръ — это застой и болото, развивающіе только плѣсень, тину, развращеніе и деморализацію; война и только война создаетъ важныхъ подвижниковъ, патріотовъ, героевъ...

— А помните заключеніе Прудона въ его «Войнѣ и мирѣ»? Онъ прямо говоритъ: «Человѣчество не желаетъ болѣе войны».

— Ахъ, что понимаютъ всѣ эти кабинетные ученые! Они говорятъ: «Человѣчество не желаетъ болѣе войны», а человѣчество только и движется впередъ борьбою...

Онъ засыпалъ меня цѣлой массой горячихъ и страстныхъ фразъ въ защиту войны и потомъ, смѣясь, закончилъ:

— А о массѣ убитыхъ пусть ужъ плачутъ нервныя барыни! Я лично готовъ бы хоть сей-

часъ идти подь пули: побѣдить или умереть! Въдь умереть все равно придется рано или поздно, а тутъ, кромѣ смерти, есть еще шансъ выиграть побѣду, отличиться, стать во главѣ другихъ людей.

Онъ, обыкновенно сдержанный, оживлялся при этомъ и весь горѣлъ, какъ въ огнѣ. Я сознавалъ, что изъ него выйдетъ недюжинный военный, который оставитъ по себѣ слѣды въ этой области дѣятельности.

Уже съ первыхъ же дней его поступленія на службу всѣ окружавшіе его товарищи и начальники стали сознавать, что этотъ человекъ пойдетъ далеко, и волей-неволей начали относиться къ нему съ уваженіемъ. Идя къ намѣченной дѣли, онъ старался избѣгать даже свѣтскихъ развлеченій, баловъ, театровъ и собраній, затягивающихъ обыкновенно въ свой водоворотъ молодежь и отнимающихъ много дорогого времени въ лучшую пору жизни. Аскетомъ онъ, впрочемъ, не былъ; говорили даже, что животные инстинкты развиты въ немъ въ сильной степени; но онъ какъ-то умѣлъ обдѣлывать дѣла своего закулиснаго разврата безъ большой за-

траты времени, безъ увлеченій, безъ тѣни поэзіи, презирая несчастныхъ жертвъ общественнаго темперамента и третируя ихъ, какъ животныхъ.

— Къ несчастью, безъ этой скотины не обойдешься, — говорилъ онъ цинично и, когда ему замѣчали, что его взгляды безнравственны, онъ коротко спрашивалъ:— А вы иначе смотрите?

И въ его голосѣ звучала холодная и жестокая насмѣшливость: въ нравственность людей въ сношеніяхъ мужчинъ и женщинъ онъ не вѣрилъ и говорилъ, что именно въ этой области человѣкъ остался и останется вполнѣ скотомъ.

Х

— Вы чувствуете сами, Викторъ Петрови-
чъ, чѣмъ пахнетъ въ воздухѣ? — весело
спрашивалъ меня Прибыльскій, входя ка-
къ-то разъ въ мой кабинетъ и пожимая мнѣ
руку,

Онъ держалъ въ лѣвой рукѣ газету, кото-
рую, видимо, только-что просмотрѣлъ и въ
которой, вѣроятно, нашелъ извѣстія,
обрадовавшія его.

— Братушкамъ рѣшились помочь, собираемъ
на нихъ деньги, посылаемъ доброволь-
цевъ, — пояснилъ онъ быстро и бросилъ на
столъ фуражку и газету. — Вы понимаете: это
начало войны. Добровольцами одними это не
можетъ кончиться. Никогда не допустили бы
посылать ихъ, если бы не думали о войнѣ.

Онъ заходилъ по комнатѣ, радостный, воз-
бужденный.

— И какъ кстати я успѣю окончить
академію. У меня будутъ развязаны руки. Въ
добровольцы я, конечно, не пойду, а когда
начнется формальная война Россіи съ
Турціей, я, конечно, сдѣлаю все, чтобы быть

на мѣстѣ военныхъ дѣйствій.

— И вы это говорите такъ спокойно? — спросилъ я по безъ удивленія. — Теперь-то?

Александръ Прибыльскій, какъ я слышалъ, намѣревался жениться и, всегда сдержанный, уже раза два проговорился, что ему нравится одна изъ дочерей генерала Терещенко. Насколько я могъ понять, тутъ даже не были замѣшаны особенно сильно расчеты на какія-нибудь выгоды.

— А что? — спросилъ онъ, не понявъ меня.

— А ваши планы относительно женитьбы? — пояснилъ я.

Онъ усмѣхнулся.

— А! вы вотъ о чемъ. Это пустяки! Годомъ раньше — годомъ позже женюсь, не все ли равно.

И впервые онъ разоткровенничался.

— Я спокоенъ, потому что вполнѣ убѣжденъ въ моей невѣстѣ. Она меня любитъ, уважаетъ, чуть-чуть даже идеализируетъ, — проговорилъ онъ, и по его лицу скользнула самодовольная улыбка, говорившая, что ему именно такая жена и нужна, которая создала бы изъ него кумира. — Она будетъ гордиться

каждымъ моимъ подвигомъ на войнѣ, мы будемъ, такимъ образомъ, только счастливѣе послѣ войны, которая дастъ мнѣ возможность отличиться, а ей доказать мнѣ, что время и разлука не ослабили ея чувствъ.

— А если васъ убьютъ? — спросилъ я.

Онъ засмѣялся.

— Тогда меня похоронятъ, вотъ и все! Или вы думаете, что я буду скучать и тосковать въ могилѣ: «Какъ это, молю, такъ умеръ я, даже и не женившись!»

— А ваша невѣста? — любопытствовалъ я.

— Она знаетъ, что я, какъ и всѣ люди, смертенъ, — пояснилъ онъ:— но если меня убьютъ, какъ героя, на войнѣ, то она можетъ хоть гордиться мной, тогда какъ при обыкновенной смерти иногда не бываетъ и этого утѣшенія, а остается порой одно воспоминаніе, какъ измучилъ человекъ окружающихъ своей болѣзнью и какъ скверно онъ умиралъ. Помните дядю...

Я покачалъ головой.

— А знаете, я все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что вы можете только позволять любить ва-

сь, но сами не можете полюбить никого.

— Вы думаете, что я Маремьянокъ только могу заводитъ? — спросилъ онъ.

Онъ засмѣялся.

— Впрочемъ, вѣдь и Маремьяны были любимы дядей; конечно, онъ любилъ ихъ по-своему, но все же любилъ.

Мы перемѣнили разговоръ.

Прибыльскій былъ правъ: война, приближалась. Онъ зналъ, что онъ будетъ однимъ изъ первыхъ, которые отправятся на мѣсто военныхъ дѣйствій. Онъ не скрывалъ этого передъ своей невѣстой и увлекалъ ее своими широкими планами, двоимъ воодушевленіемъ. Молоденькая институтка видѣла въ немъ рыцаря, героя, будущую знаменитость и гордилась имъ; это крайне льстило Прибыльскому, и онъ, и безъ того увлеченный мыслью о своихъ будущихъ успѣхахъ, немного даже рисовался передъ своею невѣстою.

Однажды, уже передъ самой войной, онъ завернулъ къ Терещенко. Ольга Константиновна Терещенко, невѣста Александра, по обыкновенію, обрадовалась его приходу, и

тотчасъ же оба заговорили о новостяхъ, о томъ, кого видѣли, что слышали: третьяго дня она была въ театрѣ, вчера на балу...

— Кстати, скажите, у васъ былъ какой-нибудь дядя? — спросила она вдругъ у Прибыль-наго, обрывая рассказъ о балѣ.

— Даже не одинъ, а нѣсколько, — отвѣтилъ онъ.

— Нѣтъ, а такой... странный... смѣшной, — пояснила она.

— Я не знаю, о какомъ дядѣ вы спрашиваете, и вообще мнѣ страненъ вашъ вопросъ, — сказалъ онъ, пожимая плечами.

По его лицу скользнула тѣнь, точно отъ предчувствія какой-то готовящейся непріятности.

— Видите ли, я съ однимъ офицеромъ чуть не поссорилась изъ-за васъ вчера, — начала она объяснять. — Противный, надо всѣми подтруниваетъ, усмѣшка на лицѣ. Онъ услышалъ, что я знаю васъ, и спросилъ меня. «Ну, что же онъ все по-старому рассказываетъ про своего комическаго дядю и вышучиваетъ его?» Я разсердилась, потому что я отъ васъ ни про какого дядю вашего не слыхала. Да вы

и не любите о пустякахъ говорить. Я сказала ему, что, вѣроятно, онъ васъ смѣшиваетъ съ какимъ-нибудь другимъ Прибыльскимъ, и погорячилась порядочно, оборвавъ этого пошлаго нахала...

Александръ сдвинулъ брови. Онъ уже чувствовалъ приливъ гнѣва, сознавая, что гдѣ-то въ обществѣ, за его спиною, его вышучиваетъ кто-то. Онъ смутно догадывался, кто изволить прохаживаться на его счетъ.

— Ужасно досадно и обидно, когда смѣшиваютъ двухъ однофамильцевъ, — продолжала Терещенко: — и приписываютъ одному то, что сдѣлалъ другой. Въ какого-то Чичикова чуть не превратилъ человѣка, который...

— Этотъ офицеръ Огородниковъ? — сухо спросилъ Присыльскій, блѣднѣя.

— Да! — подтвердила она и удивилась: — развѣ вы его знаете? О, онъ уже никогда не станетъ говорить о васъ нелѣпостей, я...

— Да, я увѣренъ, что никогда не станеть, — твердымъ голосомъ сказалъ Александръ, перебивая ее, и заторопился ухатъ.

Онъ вышелъ изъ дома Терещенко, нанялъ извозчика и сказалъ ему, куда ѣхать. Черезъ

четверть часа онъ уже звонилъ у дверей съ мѣдной дощечкой, на которой значилось: «Николай Петровичъ Огородниковъ».

— Баринъ у себя? — спросилъ онъ у отворившаго ему дверь денщика.

— У себя, ваше благородіе, — отвѣтилъ денщикъ.

— Доложи...

Прибыльскій передалъ ему свою визитную карточку со словами: «передай барину». Денщикъ ушелъ и черезъ минуту попросилъ гостя въ гостиную. Навстрѣчу Прибыльному уже шель изъ кабинета, застегивая на ходу сюртукъ, Огородниковъ. Онъ былъ все тѣмъ же немного мѣшковатымъ, широкимъ въ кости человѣкомъ съ добродушной улыбкой на румяномъ лицѣ. Въ сосѣдней комнатѣ слышался дѣтскій смѣхъ.

— Вы, конечно, догадываетесь, зачѣмъ я пріѣхалъ къ вамъ? — сухо спросилъ Прибыльскій.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Огородниковъ, улыбаясь. — Но...

— Вчера вы изволили снова вспомнить обо мнѣ и повторить ту же пошлость про меня, за

которую вы уже были однажды биты. Я сначала хотѣлъ васъ вызвать за это на дуэль.

— Позвольте, батенька, позвольте, — началъ Огородниковъ добродушно.

Прибыльскій не далъ ему кончить начатой фразы и продолжалъ тѣмъ же невозмутимымъ тономъ:

— Но думаю, что, вы, какъ трусь, отказались бы отъ дуэли, и потому я счелъ нужнымъ прежде всего снова надѣлать васъ пощечинами...

Огородниковъ, попробовалъ еще разъ прервать его, но попытка была тщетной, а вмѣстѣ съ послѣдней фразой раздалась звонкая пощечина.

— Негодяй! — крикнулъ Огородниковъ и, въ свою очередь, размахнулся рукой.

Прибыльскій грубо отбросилъ его отъ себя, ударивъ кулакомъ въ грудь, и проговорилъ:

— Теперь, надѣюсь, вы будете драться!

И, усмѣхаясь, прибавилъ:

— Или обратитесь къ суду?

Онъ швырнулъ на столъ свою визитную карточку и вышелъ...

Спустя нѣсколько дней послѣ этой сцены,

жена и дѣти Огородникова извѣщали въ газетахъ о «внезапной» кончинѣ — первая мужа, а вторья — отца...

XI

— Скажите, вы вызвали на дуэль Огородникова или онъ вызвалъ васъ? — спрашивали на судебномъ слѣдствіи Александра Прибыльскаго.

— Вызвалъ меня онъ, но я принудилъ его къ этому, надававъ ему пощечинъ, — отвѣтилъ спокойно подсудимый.

— За что вы избили его?

— Онъ глумился надо мною и желалъ выставить меня въ смѣшномъ видѣ, а я не изъ тѣхъ, кого можно рядить въ шутовскіе колпаки.

— Вы сочли нужнымъ побить его за это?

— Я счелъ нужнымъ убить его за это. Побилъ я его только для того, чтобы онъ не отказался отъ дуэли. Другого выхода я не видѣлъ, такъ какъ бить онъ уже былъ однажды мною за тѣ же самыя пошлости.

— Значить, вы шли на дуэль съ непремѣннымъ рѣшеніемъ убить противника?

— Да, потому что иначе я не могъ оградить себя отъ пошлостей этого человѣка.

— Вы цѣлились прямо въ сердце противника?

— Да, — отвѣтилъ Прибыльскій.

И, смотря строго на допрашивавшихъ его людей, онъ повторилъ то, что уже разъ сказать мнѣ:

— И въ другой разъ при подобныхъ обстоятельствахъ я сдѣлалъ бы то же. Я не хамъ и не овца.

Онъ произнесъ это спокойно, даже не вспомнивъ, повидимому, что онъ совершилъ убійство и лишилъ мужа молодую женщину и отца малолѣтнихъ дѣтей, — совершилъ это только изъ-за того, чтобы не быть болѣе предметомъ, въ сущности, невинныхъ шутокъ.

Нѣкоторые говорили о поступкѣ Прибыльскаго съ негодованіемъ, но большинство возводило Прибыльскаго чуть не въ героя, удивлялось этому «сильному характеру». Во всякомъ случаѣ о немъ «говорили», и онъ съ жадностью собиралъ свѣдѣнія обо всѣхъ этихъ толкахъ, очень довольный тѣмъ, что имъ занимаются въ обществѣ...